

Даля Трускиновская

Люс-а-гард

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Люс-а-гард / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

Из мира, где умирает представление о мужестве и рыцарственности, из мира, где мужчины уступили свои лучшие качества женщинам, из мира, где лишь женщины поддерживают жизнеспособность цивилизации, отправляется в Шервудский лес времен Робин Гуда отважная Люс-а-Гард – для того, чтобы хотя бы в прошлом найти настоящих мужчин.

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Глава пятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Даля Трускиновская

Люс-а-гард

Глава первая

Заговор тринадцати

Комната была обычная – с удобными креслами, плоским видео и не менее плоским кристаллическим дисплеем на стене, зеркальными шторами на окнах. И компания в ней собралась хоть с виду и обыкновенная, но подозрительно однородная – тринадцать пожилых дам приятной наружности. Одеты они были, как солидные чиновницы из серьезных ведомств, не имеющие нужды приманивать зеленых и даже пожелтевших мальчишек. Все, кроме одной. Но она держалась крайне скромно, как бы даже пряталась за спины осанистых подруг. Судя по всему, просто не хотела мельтешить преждевременно.

Странно было лишь то, что при входе в дом, а прибывали они поодиночке, дамы предъявляли электронному консьержу не только личные пластиковые карточки, но и пробу Вейсмаха – пристальный взгляд широко раскрытых глаз в специальный объектив, схватывающий особенности радужной оболочки зрачка. А такой объектив, игрушку довольно дорогую, ставят обычно там, где контролируется допуск посвященных в какую-нибудь научно-техническую или, Боже упаси, в политическую святыню.

Надо отдать должное тринадцати пожилым дамам – конспирацию они соблюли отменную, хвостов за собой не привели. Никакой представитель прессы не шатался в окрестностях, вооруженный видеокамерой и полицейским чемоданом с подслушивающим агрегатом. А узнай общественность, та самая широкая, от которой во все времена приличным людям спасу не было, про это совещание – пресса выстроилась бы вокруг дома тройным кольцом, да еще подвесила сверху вертолеты телевидения.

Дамы знали, какую осаду взбесившейся общественности им пришлось бы выдержать в случае утечки информации, и – чудо невероятное! – все тринадцать стойко молчали до самой своей встречи.

Точнее говоря, по-настоящему молчали только двенадцать. Тринадцатая, заместительница директора Института прикладной хронодинамики, Маргарет Дин, не знала толком, для чего ее сюда пригласили, и молчала, собственно, только о факте приглашения.

Итак, с опозданием всего на полчаса, тринадцать пожилых дам сели за стол переговоров. Статистик Нора Нарецка вынула из сумочки лаптоп последнего поколения и подключила его к стоявшему в углу компьютеру. Врач Инга Свенсон разложила перед собой исчерканную фломастером распечатку какого-то доклада, а социолог Елена Кошелева достала дискету и протянула ее через стол Норе.

– Девочки, начинаем, – сказала самая старшая и самая почтенная, седовласая Диана Кассион, член Всеобщего тренерского совета. – Кто там еще не спрятал косметичку? У нас очень мало времени. Я получила этот зал всего на два часа.

Пожилые дамы все, как одна, придвинулись поближе к блестящему овальному столу и, на манер первоклассниц, выложили на него аккуратно сложенные руки.

– Все знают нашу гостью, леди Маргарет, все ее видели на экране, а она наверняка видела всех нас... или почти всех.

Тут Маргарет поняла окончательно – в этом зале, соблюдая величайшую конспирацию, собрались весьма высокопоставленные дамы, вершительницы немалого количества судеб.

Диана повернулась к Маргарет.

– Ты, наверно, и не догадываешься, зачем мы тебя пригласили.

– Почему же? – стараясь соблюсти светскую самоуверенность, отвечала Маргарет. – Я слыхала про исследования Инги Свенсон, я читала статьи Кошелевой, я видела твои интервью...

Она замолчала, как бы говоря этим – только дуручка не найдет взаимосвязи между исследованиями, статьями и интервью. На самом же деле Маргарет была предельно заинтригована.

– Вот и прекрасно, – с некоторым удивлением заметила Диана. – Значит, можно брать быка за рога. Мы не мужчины, не будем рассусоливать. Если тебя, Маргарет, заинтересуют те цифры, графики и прочее, которое не для прессы, мы их сейчас вытащим на дисплей в нужном количестве. Но если ты веришь нам без этой дребедени, вызывать не станем. Доказательства у нас имеются... да и ты сама, очевидно, тоже довольно крупное доказательство...

Маргарет покосилась на ораторшу. Имелась в виду ее фигура, что ли? Ну да, солидная дамская фигура... за пределы кресла пока не свешивается...

– Первой тревогу подняла Диана, – с ходу начала Инга. – Ей показалось странным, что выросло дикое количество женских тяжелоатлетических секций, прямо как на дрожжах. И что женские экипажи кругосветок на плотках, яхтах, летающих сковородках и черт знает на чем еще совершенно вытеснили с океанов мужские экипажи. И что эти... как их там, черт бы их побрал?!.

– Сюрвивистки, – подсказала самая молодая в компании, еще не достигшая пятидесяти Илона Драйзер. – Я по заданию «Нью-Йорк обсервер» провела два месяца с сюрвивистками. Чуть не сдохла.

– Я видела ваши репортажи, – осторожно вставила Маргарет. На самом деле ей вполне хватило фотографий, читать про такие страсти было неприятно. – Они что, на самом деле все такие мужененавистницы? Или делали красивую мину при плохой игре?

– Конечно, все эти глупости не от хорошей жизни, – согласилась Илона. – Первыми сюрвивистами были мужчины. Теперь об этом все молчат. Именно мужчины додумались до лагерей, где учат выживать в любых обстоятельствах, во льдах, в Сахаре, на атоллах и чуть ли не на Луне без скафандра. Но последнего мужчину видели в таком лагере двадцать лет назад. Может быть, сюрвивистки честно не знают, что началось с мужчин. Они же почти все – молодые девчонки.

– Ну, если это уже двадцать лет – исключительно женская игрушка, как, впрочем, и альпинизм, – усмехнулась Кошелева, – то ничего удивительного.

– Итак, первой тревогу подняла Диана, – продолжала Инга. – Но в то же время уже готовила к печати свое исследование Нора Нарецка. Ее группа обнаружила, что из года в год рождается все меньше мальчиков, да и те какие-то дохленькие. То есть, процент здоровых мальчиков шесть лет назад был сорок и шесть, а два года назад – уже тридцать четыре и два.

– Нет, это твоя группа собрала почти всю арифметику, нам там оставалось только поработать по самым последним методикам, – перебила Нора. – И именно твои девочки придумали этот термин – «накопление комфорта».

– Коряво как-то, – буркнула Илона Драйзер.

– Зато по сути, – и, обойдясь без стилистических пререканий, Нора обвела глазами двенадцать заговорщиц. – Все поняли, что имеется в виду?

Дамы закивали. Маргарет пожала плечами – логически рассуждая, столетие малоподвижной жизни еще не могло вызвать в роде человеческом каких-то необратимых генетических сдвигов. Но выходит, что вызвало...

Задумавшись, она прослушала начало бурной речи Дианы Кассион. А когда опомнилась, прославленная тренерша уже сорвалась с нарезки и грохотала во всю привыкшую к просторам стадионов глотку.

– ...больше не нужны сильные, активные, жизнестойкие самцы! Хватит тех, какие есть! Никто не думал, что накопление комфорта произойдет всего за три поколения! Но природа – девочки, природа оказалась быстрее, чем мы думали! Она сразу поняла, что популяция – вне опасности! Тут же все по Дарвину – пока самцов рождается больше, чем самок, род продолжают самые лучшие, самые приспособленные к меняющейся среде! Остальные просто не допускаются до этого ответственного дела. А у нас?

– А у нас каждый, простите, владелец мужских гениталий – на счету, – грубо вмешалась полная плечистая дама, которую Маргарет не знала, но полагала, что она – из системы министерства безопасности.

– Так что вопрос о генофонде встал во весь рост и стоит, – подвела итог Инга.

– И это – единственное, что в наше время стоит стабильно, надежно и без всякой стимуляции, – фыркнула Илона Драйзер.

– Вот тебе, Маргарет, две стороны этой поганой медали, – скорчив Илоне рожу, подвела итог Диана. – С одной стороны – мужики как вид, класс и жанр вымирают. Ты посмотри на теперешних мальчиков. И ведь они, поганцы, прекрасно знают, что теперь любой – хилый, пузатый, кривой, косою, недееспособный – найдет себе потрясающую умницу и красавицу жену. Что отнюдь не способствует в них жажде самосовершенствования...

– Отнюдь! – дружно подтвердили заговорщицы.

– А с другой – женщины, хотя и выходят замуж за этих красавцев, вовсе своей семейной жизнью не удовлетворены. Отсюда – несуразные попытки сублимации и сброса энергии. Сюрреалистам-то проще всего! Во льдах с одним сухарем на трое суток им не до нежностей... Я сама на старости лет сподобилась – поймалась на «слабо?» и отпахала тренировку у тяжелоатлетов. Ну, доложу я вам, девочки, после этого хочешь только одного – доползти до постели и заснуть без всякого ужина.

– Я как сексопатолог в панике! – вдруг вскочила с места Жанна Жервез. – Вы слышите – в панике!!! Вам хорошо, вы сидите у себя в кабинетах! А ко мне каждый день приходят такие психозы! Такие неврозы! Такие перверсии! Еще чудо, что я сама не спятила!

Инга и Диана переглянулись, но ничего не сказали.

– А чем я могу помочь? Нет, вы мне скажите – чем я могу помочь? – казалось, Жанна сейчас выскочит из-за стола и пойдет трясти за плечи всех присутствующих в надежде услышать хоть какой-то ответ. – Предложить собственного мужа? Так я его держу на сплошных стимуляторах! Хотела бы я посмотреть на него без стимуляторов!

И тут Диана треснула кулаком по столу.

А кулачок у нее был такой, что блокноты, распечатки, диктофон Илоны и лаптоп Норы подпрыгнули на добрых полметра.

– К делу! – рявкнула прославленная тренерша. – Если немедленно не принять меры, род человеческий вымрет. Это я тебе говорю, Маргарет! Женщины должны жить с настоящими мужчинами! И рожать от них здоровых детей! На этом поколении мужчин можно поставить дубовый крест. Ничего хорошего от них не родится. Да им это и безразлично. Им и так хорошо. Но нам нужны сильные, умные, красивые, жизнеспособные дети! Как по-твоему, Маргарет, наши убогие спутники жизни дадут нам, нашим дочкам, нашим внукам таких детей?

Маргарет помотала головой. При этом она подумала, что хорошо бы облить Диану серной кислотой. Диана прекрасно знала – Маргарет только и делала, что возила по санаториям двух своих сынков, классических старых холостяков.

– Мы построили до того комфортный мир, что веки этого не расхлебав, – Диана обращалась к Маргарет вроде бы одна, но хронодинамистка чувствовала – это все двенадцать дам говорят сейчас, двенадцать опытных и не склонных к эйфории пожилых дам. – И вот мы нашли вариант, при котором человечество как бы возродится. Черта с два мы тогда допустим мужчин до комфорта!

– В лагеря к сюрвивисткам! – восторженно загалдели дамы. – В космос их! На подводные разработки! На лесоповалы!

– Ну? – Диана уставилась на Маргарет тяжелым, не просто тренерским взглядом, а даже взглядом тренера-сюрвивиста.

– Я полностью согласна с вами... – пробормотала Маргарет. – С вами со всеми... Но при чем тут я?...

И тут одиннадцать дам подобрались и застыли, словно проглотив одиннадцать аршинов. Двенадцатая же, Диана, устремила на Маргарет перст – один из тех перстов, которыми пробивают двухдюймовые дубовые доски.

– Мы знаем, что полгода назад в твоём институте провели первый хронодесант. И его результаты нам тоже известны. Мы знаем, сколько проводилось десантов и сколько установлено хрономаяков. Где они установлены, мы тоже знаем.

– Это же все делалось наугад!... – чуть не заскулила Маргарет.

– Но хрономаяки стоят в конкретном времени и в конкретном месте. Что скажешь ты о глубоком дупле на опушке некоего всемирно известного леса?

– Мало ли лесов? – Маргарет видела, что ей не отбиться, и хотела только одного – вызнать, кто из секретной лаборатории проболтался о дупле.

– Ну, конечно, в двенадцатом веке лесов было куда больше, чем в нашем, – усмехнулась Диана. – Ну так вот, мы просим тебя включить в наши группы подготовленных на наших базах десантниц. Как видишь, все очень просто. Ты посылала туда женщин – ну, так и у нас женщины, молодые, спортивные, от двадцати пяти до тридцати.

В просьбе на первый взгляд не было ничего криминального. Маргарет и сама хотела, чтобы десантницы были молодые, спортивные, не старше тридцати. Странно было, что ее об этом просят не в рабочее время по видеофону, а в обстановке строжайшей конспирации. Да еще запугав предварительно грядущим вымиранием мужчин.

– Но вы, надеюсь, все понимаете, что хронодесантницы не имеют права ничего вывозить из экспедиций? – и, видя в двенадцати парах глаз непонимание, Маргарет уточнила: – Я имею в виду мужчин...

Тут заговорщицы буйно расхохотались, сверкая изумительной белизны зубами.

– То, что привезут наши девочки, не заметит ни один контроль! – торжествующе сказала Диана. – Досмотр бесполезен! И в двенадцатом веке недостачу этого добра тоже никто не заметит. Ясно?

– Нет, не ясно! – сварливо отвечала Маргарет. Намеки были какого-то фривольного свойства, судя по веселым физиономиям заговорщиц.

– Ну так я объясню совсем примитивно, – вздохнула Диана. – Девочки, тише! Если наши мужчины не могут дать нам здоровых детей, то их, возможно, дадут другие мужчины – те, которые в двенадцатом веке.

Маргарет вскочила и всплеснула руками.

– Нигде, ни в каких документах, ни в каких кодексах, ни в каких уложениях, ни в каких правилах, таможенных, карантинных или любых других, ни слова не говорится о незаконном провозе и конфискации именно такого груза. А в уставе и служебных инструкциях твоего института – тем более.

– Это какая-то идиотская авантюра! – воскликнула Маргарет.

– Ничего подобного, – тут со стула встала невысокая худощавая женщина с такими умными и строгими глазами, что Маргарет немедленно стало стыдно. – Я – Джулия Форест, юрист.

Эти глаза не раз смотрели на Маргарет с экранов видео. Джулия была такой крупной специалисткой по международному праву, что ее наперебой звали во все комиссии по заковыристым вопросам.

– Руководимая мной группа изучила вопрос начиная с римского права. Прецедента не было.

– Вы все сошли с ума, – глядя мимо строгой Джулии, потерянно сообщила Маргарет. – Вы хуже того – вы из него выжили...

– Тебе сколько лет? – ласково спросила Диана.

– Как будто ты не знаешь!

Нельзя сказать, что Маргарет так уж скрывала свой возраст. Никто бы не заподозрил в ней мать двух старых холостяков. Волосы она подкрашивала только самую чуточку. И легкая рыжинка ей очень шла. Фигурой своей она гордилась – все округлости были на месте. А ноги у женщины, которая в меру занимается спортом, стареют в последнюю очередь.

– Здесь все свои, – профессионально ласковым голосом сказала Жанна Жервез. – И среди своих не надо стесняться.

– Ну, допустим, сорок восемь...

Диана выразительно посмотрела на Маргарет, но промолчала.

– В таком случае вы можете и не знать... – с искренним сожалением обратилась Жанна к Маргарет. – Более того, я как специалист просто чувствую, что есть вещи, вам пока неизвестные. Вы довольствовались скромными радостями, к сожалению... как большинство женщин... Вряд ли отец ваших детей дал вам настоящее счастье.

– Он дал мне детей! – возразила Маргарет.

– А ведь в ваши годы еще столько лет счастья могло бы быть впереди... – Жанна устремила мечтательный взгляд вверх, как будто возможное счастье Маргарет улыбалось ей с потолка.

– Тебе, как и всем нам, достался мужчина, неспособный сделать тебя счастливой! – четко определила ситуацию Маргарет. – Но подумай о будущем человечества!

– Я вот о министерстве безопасности сейчас подумаю! – выкрикнула в отчаянии Маргарет. – Я своему директору сейчас доложу!

– Только попробуй! – воскликнула Диана. – Живой ты тогда отсюда не выйдешь!

– Министерство безопасности в курсе, – хмуро сказала плечистая дама. – Оно примет меры только при утечке информации.

– Подумай о человечестве! – чуть ли не хором повторили заговорщицы.

– О человечестве подумай, старая ты ворона! – припечатала Диана. И при слове «ворона» почтенные дамы разом поднялись со стульев.

Маргарет получила довольно пуританское воспитание. Зато в ее душу вложили гипертрофированное чувство ответственности. Кроме того, она от природы была пуглива, хотя и научилась скрывать внезапный страх высокомерным молчанием. Но тут ей стало не на шутку жутко.

– Из-за ваших пошлых авантюр!... Это же выговор... увольнение по статье... конец всему... полный крах... – в панике забормотала Маргарет, видя, как к ней неумолимо приближаются одиннадцать разъяренных ведьм.

И тут подала голос двенадцатая.

До сих пор она кротко молчала, усевшись так, чтобы не попасть в поле зрения Маргарет.

– Постойте, постойте, – негромко сказала эта заговорщица, одетая в длинный черный шелковый плащ и в аккуратную чалму, скрывающую волосы. – Не надо шума. Пустите меня к ней.

Почтенные ведьмы немедленно расступились.

– Слушай меня, Маргарет, – властно сказала двенадцатая дама, протянув к хронодинамистке красивые смуглые руки с множеством серебряных перстней. – Ты сделаешь все, о чем тебя сейчас просят. Или я вселю в твое тело такую неуголимую страсть, что ты сама отпра-

вишься в десант, лишь бы ее удовлетворить. Страсть – и знание того, какое блаженство тебя ожидает. Мне это под силу! Смотри мне в глаза... ну?

– Асият! – воскликнула Маргарет. – Это же Асият!

– Узнала... – с удовлетворением перешепнулись заговорщицы.

– Ну так как же? – нетерпеливо спросила яростная тренерша.

Маргарет с опаской взглянула на Асият. Но та никаким блаженством больше не грозила, а только загадочно улыбалась.

И это было страшнее всякой угрозы.

Маргарет видела эту улыбку на экране. С нее начинались знаменитые сеансы видеогипноза, на которых Асият издевалась над современной медициной как хотела. Она исцеляла неисцелимых, в течение нескольких часов обучала иностранному языку и заставляла бездарных мазил писать совершенно леонардовские портреты. С мазилами ей приходилось иметь дело и после этих штучек – леонардовские способности в некоторой мере оставались и после сеансов, мешая честно халтурить и терзая мазил комплексом творческой несостоятельности.

Маргарет вовсе не улыбалось корчиться от каких-то неведомых страстей и искать утешения в каменном веке у троглодитов.

– Ладно, – хмуро сказала она. – Я вынуждена подчиниться... Но не вам, а обстоятельствам! И не думайте, что вы меня уговорили!

– И на том спасибо, – внушительно сказала плечистая дама. – Итак?

– Мы освоили несколько маршрутов. Это двенадцатый, тринадцатый, семнадцатый века, в общем, неглубоко. Там все более или менее рассчитано, маяки не дают сбоев. Но если теперь закладывать новые маршруты, то это отнимет много времени, и опять же – маяки! Вы хоть знаете, сколько стоит собрать один хрономаяк?!.

– Шестьдесят миллионов восемьсот сорок три тысячи двести долларов, – немедленно ответила плечистая дама, а Диана уселась и развалилась на стуле, закинув ногу на ногу с таким торжествующим видом, что Маргарет окончательно ощутила себя загнанной в угол.

– Для нормальной связи необходимы маяки! – тем не менее продолжала твердить она. – А свободных сейчас у нас нет. И я не могу вкладывать деньги в маяки и в камеры...

– Технические сложности нас не волнуют, – перебила Диана. – Возможно, на первых порах нам вообще хватит одного или двух маршрутов. Нам нужны такие рисковые времена, когда еще водились здоровые мужчины без комплексов. Ну вот, скажем, те потрясающие триста спартанцев накануне сражения при Фермопилах...

– Да говорю же я тебе, что мы до Древней Греции еще не добрались! – взвизгнула Маргарет. – Мы же не глубже средневековья...

– То, что было до открытия Америки, нас вполне устроит, – вмешалась Инга Свенсон. – А после привезли табак и эти негодяи стали целенаправленно травить себя никотином.

– То, что они в двенадцатом веке травили себя алкоголем, вас не смущает? – перешла в наступление Маргарет.

– Ну какой же это алкоголь? Не выше четырнадцати градусов! – возразил ей нестройный хор заговорщиц.

– Так что эпоха крестовых походов? – безнадежно спросила Маргарет, глядя на Ингу. Та задумалась.

– погоди, Инга, – сказала Диана. – Ведь тут не нам лучше решать, а тем, кто пойдет в десант. Мы пока не знаем, к чему девочки лучше готовы. Кстати, сколько человек ты, Маргарет, могла бы пропустить через свои автоматы, чтобы... м-м-м... не нарушить конспирацию? Понимаешь, ведь если все эти дуры, – тут тренерша так мотнула головой в сторону зашторенного окна, что стало ясно – она имеет в виду все женское население земного шара и окрестностей. – Так вот, если все эти дуры узнают, что мы тут придумали, от них же отбою не будет!

– А у каждой из нас, между прочим, черт знает сколько подруг и родственниц, а у каждой подруги и родственницы черт знает сколько дочек, внучек, правнучек, племянниц и любимых учениц! – напомнила Инга. – Представляешь, сколько дур будет проситься в десант?

– Дура – это еще полбеды, – заметила Диана. – У них же никакой спортивной формы...

– Все это я представляю, – со вздохом облегчения сказала хронодинамистка. – Уже и то неплохо, что вы не хотите посылать женщин в средневековые полками и дивизиями...

– Надо будет – пошлем, – сурово отрубил плечистая дама, и у Маргарет не возникло желания с ней спорить.

– Пока я могу принять двух ваших десантниц, – как можно тверже заявила Маргарет. – И ни одной больше. Это – мое последнее слово. Иначе я просто вылечу из института, на мое место возьмут какого-нибудь бездарного мужика, и ничего у вас не получится.

Асият внимательно посмотрела в глаза хронодинамистке.

– Правду говорит, – доложила она Диане. – Ну что же, две так две. И чтобы не было споров, первой пойдет моя внучка Зульфия.

– Второй пойдет моя внучка Люс, – сразу же вставила Диана. – Конечно, нас можно упрекнуть в том, что мы пропускаем вперед своих внучек по знакомству. Но все присутствующие подтвердят – лучших десантниц днем с огнем не найти.

– Это правда, – усмехнулась Нора. – Никто не будет лучше себя чувствовать в восточном средневековье, чем Зульфия-А-Гард Семнадцатая, и никто не будет лучше себя чувствовать в западном средневековье, чем Люс-А-Гард Шестнадцатая.

– Они обе – «А-Гард»? – изумилась Маргарет.

– Плохих внучек не держим, – с достоинством ответила за двоих Диана.

Асият же вместо слов сунула в щель видеокассету.

На огромном экране немедленно вспыхнула радуга, растеклась к углам и превратилась в панораму зала на десять тысяч зрителей. Тут же включился и звук. Десять тысяч зрителей вопили что есть сил, и Асият, поморщившись, вырубил эти вопли, оставив только изображение.

Затем появилась фехтовальная площадка – не классическая узкая и длинная дорожка, а прямоугольник примерно десять на пятнадцать метров. На нем были стандартные снаряды исторического фехтования – тяжелая скамья полуметровой высоты, четырехметровое бревно на уровне метра и свисающее откуда-то сверху над бревном деревянное кольцо, за которое надо хвататься левой рукой.

На площадке шло сражение.

Девушка в изумрудном костюме и золотой маске отбивалась шпагой и кинжалом от трех противниц. За спиной у нее виднелось табло, на котором то и дело прибавлялось очков.

– Шестнадцатый чемпионат по историческому фехтованию, а это – моя Люс, – с законной гордостью сказала Диана.

На экране снова показали взбесившийся зал, летящие на площадку цветы, а потом и девушку в изумрудном с маской в руке и в позе победительницы. Она салютовала залу сверкающей шпагой. А потом уже пошло скучное зрелище – вручение «Золотого клинка» очередной «А-Гард», шестнадцатой по счету.

– «А-Гард» – это же какой-то фехтовальный термин? – неуверенно спросила Маргарет.

– Буквально – «К оружию!», то есть «Защищайся, враг!», – объяснила Инга. – А на семнадцатом чемпионате этот титул завоевала Зульфия. Так что девочки готовы к любым передрягам.

– А чем теперь – занимается Люс? – обратилась Маргарет к Диане.

Этот совершенно невинный вопрос, очевидно, застал неукротимую тренершу врасплох.

– По-моему, она теперь в экспедиции на Памире, – неуверенно отвечала Диана. – Кажется, как специалистка по истории религии...

– Помилуй! – воскликнула Нора. – Она же у тебя ихтиолог и работает в дельфинарии!
– Какие дельфины? Я видела в газете ее портрет с осьминогом, – и Жанна Жервез недоуменно посмотрела в лицо Диане.

– Это было полгода назад, – буркнула Диана. – Понимаете, целых полгода...

– Поймите! Когда я брала у нее интервью, она считалась лучшим экспертом по народным вышивкам! – вмешалась Илона Драйзер. – Я точно помню!

– Не по вышивкам, а по аппликациям, – авторитетно заявила плечистая дама. – Она как раз ездила в Китай и возила туда на выставку свое панно с драконами.

– Не в Китай она ездила, а в Монголию, и не с драконами, а на двухнедельные скачки, – возразила Инга. – Я сама ей оформляла справку формы сорок «бэ» о допуске к соревнованиям.

– Это было год назад! – яростно рявкнула Диана, и по ее лицу все поняли, что вопросов о внучкиной профессии ей лучше не задавать.

– А вот они обе: солнышко Люс и звездочка Зульфия, – разряжая обстановку, проворковала Асият. – Прямо как две горлинки!...

Горлинки в сапогах, бриджах и заляпаных светлой глиной куртках сидели у небольшого костерка. Прочие участницы кавалерийского рейда по мексиканским прериям окружали их. Одна наигрывала на гитаре. Вдали, на фоне заката и кактусов, паслись усталые лошади.

Люс и Зульфия сидели в обнимку. Светлое облако вздыбленных коротких кудряшек Люс ореолом витало над головой Зульфии. Черная, сверкающая, полутораметровая правая коса Зульфии, обвив Люс за шею, сползала по ее плечу и сворачивалась в кольцо на коленях.

Подруги пели песню, прочие наездницы подпевали, подхватывая последние две строки каждого куплета.

– Опять подначивает бес, опять томит причуда! Опять хочу в Шервудский лес, в ватагу Робин Гуда! – дирижуя стеклом, заводила Люс и, дождавшись, когда подпоют, продолжала: – Закон генетики суров, но обещает чудо! По каплям разлетелась кровь бродяги Робин Гуда, и зов отваги не утих, и гредишь ты о зове, когда в артериях твоих есть капля этой крови!...

Глава вторая

Первая ласточка

– Далекий брат, и ты, сестра, слетайтесь отовсюду, – напевала Люс, застегивая широкий пояс из коричневой буйволиной кожи поверх тонкого сюрко с глубоким острым вырезом, в который выглядывал стянутый шнурком ворот серой льняной рубашки, и разглаживая на бедрах складочки нежнейшей рыжеватой замши. – Нас кровь зовет, нам всем пора в ватагу Робин Гуда...

– Держи, – Диана, все еще стройная в дорогом спортивном костюме, подала ей тяжелый кинжал в ножнах, украшенных грубой вышивкой. Люс, не глядя, взяла у бабки увесистое оружие и подвесила его к поясу, продолжая напевать:

– Остаться в ласковом тепле причины не ищите, ведь столько слабых на земле нуждается в защите...

– Плащ, – напомнила Диана, и по физиономии Люс сразу стало видно – ей очень не хочется брать с собой это тяжеленное чудище из колючего, изготовленного в реставрационной мастерской этнографического музея сукна.

– Там же почти лето, – уверенно возразила Люс. – Обойдусь!

– Какое лето? – изумилась бабушка. – Начало мая! И не думаешь ли ты, что тебя там ждет пятизвездочный отель? И не собираешься ли ты брать с собой свой любимый спальник?

Любимый спальник с капюшоном, на двух молниях, оснащенный электроподогревом, совершенно не вписывался в двенадцатый век.

Диана аккуратно свернула плащ, перехлестнула его сыромятным ремешком и вручила непослушной внучке.

Внучка сразу же положила его на стул, рассчитывая там и позабыть. А на плечи она набросила через голову короткую фестончатую пелеринку с капюшоном, тоже суконную, но уж это зеленое сукно было довольно тонким.

– Так что же, в путь, сестра и брат по крови и по чуду! – пропела она, одергивая пелерину на плечах. – Для нас в ночи костры горят ватаги Робин Гуда!

– Неплохо, – сказала, входя, Зульфия. Она уже была готова к экспедиции. Нарядила ее Асият, и А-Гард Семнадцатая выглядела еще причудливей Шестнадцатой. На ней были бирюзовые шальвары, затканые золотыми цветами, и оранжевый кафтанчик в талию, доходящий до щиколоток. Поскольку кафтанчик был распашной, а полы сходились вместе только там, где их схватывал лежащий на бедрах сверкающий пояс, то и видно было, что всего нижнего белья на Зульфии – один только символический лиф, едва прикрывающий грудь и сплетенный из жемчужных нитей. Еще на красавице было множество ожерелий и браслетов, которые в каком-нибудь давнем веке могли бы показаться целым состоянием. Но бабка Асият пожалела давать в экспедицию фамильные драгоценности, и Зульфия украсилась неплохо сделанными копиями.

На голове у нее была вуаль, откинутаая назад. Держалась же эта воздушная ткань, не улетаая от сквозняка, лишь потому, что каймой вуали служили позолоченные и серебряные монетки. Длинные косы лежали на спине, почти доставая до пяток. А вот кисточки расшитых шелковых лент, вплетенных в эти косы, действительно волочились по земле.

– А оружие? – удивилась Люс.

Зульфия встала в боевую стойку – ноги на ширине плеч, носки вовнутрь, колени пружинно согнуты, спина округлена, руки вроде бы расслабленно повисли, и кисти на бедрах лежат, как неживые...

– Обувь, – хмуро сказала Люс.

– Местный колорит, – разведя руками и выпрямляясь, ответила Зульфия. Люс, как всегда, когда речь шла о рукопашной схватке, была права. Расшитые остроносые туфли без задников мало подходили для высокого удара ногой. Это были типичные туфли восточной женщины, звезды гарема, любимицы калифа и главной султанши.

– И это – все? – поинтересовалась Люс, имея в виду боевую экипировку.

– Нет, конечно.

Зульфия ждала, пока Люс обратит внимание на одно из ее ожерелий, прикрытое связкой других, из золотых шариков, фальшивых рубинов и изумрудов.

Это ожерелье было составлено из тройки метательных звездочек.

– Больно уж пестро, – обойдя вокруг подружки, заметила Люс.

– В духе времени! Но позволь... Ты почему в мужском костюме?

– В последнюю минуту так решили! – и Люс повернулась к любимой бабушке, как бы говоря этим – мы с бабушкой решили.

– В мужском, Люс считает, безопаснее, – без особой уверенности объяснила Диана. – Мальчик, паж, младший сын в семье и так далее... Она говорит, так на нее никакой нежелательный объект не польстится. И в ватагу попасть, она говорит, легче.

На самом деле все было куда проще. Люс не то чтоб терпеть не могла платьев и юбок... Возможно, она бы охотно надела раза два в год элегантное парижское платье. Просто случая к тому не выпадало. При ее образе жизни единственным вариантом были штаны. И Люс, сколько себя помнила, носила штаны – начиная с джинсов и кончая элегантными панталонами из вишневого бархата. Надев юбку, да еще тяжелую средневековую юбку, она бы ощущала себя узником в каменном мешке.

– Да, с ватагой в набег – для этого у тебя вид самый подходящий, – и Зульфия, которую ее бабка инструктировала вовсе не насчет набегов, посмотрела на Люс несколько свысока.

Тонкая и гибкая, как клинок испанской рапиры, Люс стояла перед ней в рыжем сюрко поверх тонкого камзолчика с рубахой, в узких серых штанах, коротких мягких сапожках, в зеленой пелерине и с огромным кинжалом на поясе. Ее непокрытая кудрявая голова была похожа на огромный золотистый одуванчик.

– А волосы чуточку подстричь не хочешь? – вдруг забеспокоилась Зульфия. – Уж больно по-нашему...

Люс и сама знала, что прическа не лезет ни в какие исторические ворота. Но она привыкла к этой прическе, она сама себе в этом золотистом ореоле очень нравилась, так что история значения тут уже не имела.

– Уже не успею, – сказала Люс. – Я ведь первая иду. У нас всего одна хронокамера на двоих, и мы должны успеть за полчаса. Ну, подружка...

– Ну, подружка!...

Люс-А-Гард и Зульфия-А-Гард обнялись. Зульфия почувствовала, что за поясок ее шальвар вползает что-то холодное и шершавое.

Это был маленький стилет в ножнах.

– Нарушение местного колорита, – шепнула Зульфия, оглядываясь на Диану. Но Диана как раз укладывала в сумку черный костюм Люс из атласной кожи, в котором внучка прикатила с Памира, и ничего не заметила.

– Мелочи, – ответила Люс. – Зато я буду за тебя спокойна. Ну, ни пуха, ни пера!

– Ни хвоста, ни чешуйки!

Вошли Маргарет, Асият и Инга. Асият была, как всегда, в шелковом плаще и чалме женщины-мага, и держалась она, опять же как всегда, уверенно и спокойно. Зато Маргарет чувствовала себя юным воришкой, которого впервые взяли в дело опытные медвежатники.

– Пора, – вместо всякого приветствия сказала Маргарет. – А то засекут...

Но обе бабушки, не обращая внимания на ее страхи, решили, что именно сейчас внучки жаждут прощального наставления.

– Думай только о том, чтобы принести сюда хорошего сына! – торопливо заговорила Диана. – Остальное пусть тебя не волнует! Остальное – моя забота!

– Зульфия, звездочка, все время помни про браслет! – твердила Асият, держа внучку за руки. – Аллах и браслет сохранят тебя, только не забывай их обоих!

Маргарет переводила взгляд то на одну бабуку с внучкой, то на другую.

– Время, время! – воскликнула Инга.

Тут Асият вспомнила, что десантниц все-таки две.

– Держись и ты, солнышко Люс. Насчет языка не волнуйся...

– Я ни слова не помню... – вдруг растерянно сообщила Люс.

– Все вспомнишь, как только окажешься там! Я дала тебе такую установку. А язык ты знаешь хорошо!

– Да пойдете вы наконец?! – чуть ли не взвизгнула Маргарет.

Женщины заторопились и гуськом вышли из комнаты.

Лифт привез их в подвал, там они пересели на многоместный кар и еще минуты три кружили по бетонным закоулкам. Наконец Маргарет остановила кар перед металлической дверью.

Люс и Зульфия разочарованно переглянулись. Хронокамера оказалась чуланчиком площадью в два квадратных метра. Правда, стены у чуланчика были из металлических плит, а дверь туда вела тройная, с окошечками, датчиками, панелью управления и встроенным монитором компьютера.

– Скорее, скорее! – торопила Маргарет, причем озиравшись с таким видом, будто ждала наемных убийц.

– Кошелек, браслет, аптечка... – обшаривая Люс, шептала Диана. – Ну, кажется, все на месте...

Неугомонная тренерша видела множество стартов своей отчаянной внучки, но такого рискованного еще не было.

Маргарет, совсем ополоумев от страха, втиснулась между ними и впихнула Люс в хронокамеру.

И тут на известную общественную деятельницу Диану накатило красноречие.

– Люс! – провозгласила она, как если бы стояла посреди стадиона, отчего Маргарет даже присела. – Ты же наша первая ласточка! На тебя смотрит вся планета! От того, как ты справишься с заданием, зависит судьба человечества! Твоего сына будут баюкать все женщины мира!...

Маргарет всю жизнь разговаривала с людьми вежливо. Именно обходительностью добилась она такого ответственного поста. Но всякая любезность имеет предел. Хронодинамистка, впервые в жизни нарушая служебную инструкцию, рассчитала все поминутно и ораторского припадка Дианы, естественно, не учла.

Воспитание сказалось в том, что Маргарет не промолвила ни слова. Она просто отпихнула от хронокамеры бабушку и впихнула туда внучку. Дверь лязгнула, щелкнула, крякнула и забурчала. После чего послышался ровный гул.

Видимо, этот гул должен был вызвать у хронодесантника головокружение и способствовать безболезненному переезду в нужную эпоху его бесчувственного тела.

Маргарет впопыхах не предупредила Люс об этом побочном явлении. И лихая А-Гард, сползая на бронированный пол камеры, ощутила-таки легкий испуг – не сравнимый, правда, с тем испугом, который ей пришлось пережить в Кордильерах, когда она висела на одной руке, раскачиваясь над бездонной трещиной, пока Зульфия-А-Гард не подползла к краю и не помогла ей выкарабкаться.

Она впала в небытие и не видела, как тают вокруг нее стенки хронокамеры, как возле головы проявляются, словно на фотопластинке, стебли цветов и трав, как наверху наливаются синью майское небо...

И тут возник девичий голос.

– Какой красавчик! – услышала Люс. – Ой, какой же он красавчик! Не дожить мне до дня всех святых, Мэгги Смит, если у нашего господина лорда когда-нибудь был или будет такой хорошенький паж!

– Клянусь рыжей коровой, Бетти Эшли, так оно и есть!...

– Скажи лучше – недоенной рыжей коровой, Энн Перри!

Девицы расхохотались.

Люс открыла глаза.

Рядом с ней сидели на корточках три пышечки в венках и с полевыми цветами в руках. Люс сообразила, что раз на крестьянских девушках чистые белые сорочки, да еще с вышивкой, и яркие юбки, непригодные для возни в хлеву, и руки не просто отмыты, а даже ногти вычищены, то девушки собрались на праздник. А праздник был тот самый, куда и она торопилась – знаменитый майский праздник с состязаниями лучников, выборами главной красавицы – «девки Марианны» и плясками до упаду вокруг майского дерева.

– Господин паж! – обратилась к ней Бетти, склоняясь так, что пышная грудь в вырезе сорочки открылась Люс во всей красе. – Если вы уже сообразовали выпасться и отдохнуть, то не проводите ли нас, конечно, если это получится по пути? А мы всю дорогу будем петь вам песни и даже станцуем, если вам будет угодно!

Судя по хихиканью подружек, в этом крылась какая-то подначка, и неизвестно, что она сулила неопытному пажу.

– Конечно, я провожу вас, милые девушки, – вставая, ответила Люс, – если вы идете на праздник в Ноттингем. А чтобы нам не было скучно идти, мы купим по дороге сластей. Ведь до Ноттингема мы пройдем мимо какого-нибудь селения?

И Люс достала из кошелька монету – доподлинный пенни, добытый из музейных фондов.

– Если вы имеете в виду Блокхед-холл, любезный господин, так он останется слева... – озадаченно сказала девушка. – Да и какие там сласти? Кто там станет торговать сластями? Умнее уж будет дойти до Ноттингема и там угоститься на славу!

– Тогда идем прямо в Ноттингем! – решила Люс. Наивная хитрость деревенских девиц стала теперь вполне понятна – пообедать на чужой счет, и не более того. А Люс успела нахвататься всяких исторических подробностей и знала, что угощение на славу по вкусу двенадцатого века означает три фунта жареного мяса и полведра эля на едока.

– А песню? – спросила Бетти – как видно, самая бойкая.

– Ну и песню, разумеется.

– О весна, ты с нами, желанная, алыми цветами венчанная! – на изумление заунывно затянули девицы.

Люс внимательно окинула взглядом окрестности. Она искала старый дуб на опушке – старый дуплистый дуб, в котором исправно действовал хрономаяк. Через этот хрономаяк ее спасательный браслет держал связь с пультом института хронодинамики. И Люс очень хотелось забраться в дупло и посмотреть, как выглядит эта шестидесятимиллионная железка. Если бы не девицы – она бы добралась до маяка.

А они между тем двинулись по неширокой дороге прочь от дуба, призывая плясать и веселиться в самом что ни на есть тоскливом миноре.

Обычно, когда Люс нуждалась в музыке, она совала себе в ухо горошину плеера и получала, что хотела, хоть сидя в седле, хоть пробираясь горной тропой. Таскать с собой целый ансамбль, который не так-то просто выключить, ей еще не приходилось. А ансамбль всю зарплатывал свои девять фунтов мяса и полтора ведра эля...

Конечно, с плейером в ухе Люс добралась бы до Ноттингема куда быстрее, потому что девицы не только пели – они еще и сплясать норовили. Где-то на полпути к ансамблю присоединились две влюбленные парочки, потом бродячий проповедник, потом – толстый мельник на неповоротливом осле и, наконец, разносчик с коробом. Разносчику Люс искренне обрадовалась – она так надеялась, что девицы полезут смотреть ленточки и колечки, а ее уши отдохнут от непривычной гармонии. Но девицы основательно наладились петь – очевидно, в этом веке было просто принято развлекать себя по дороге музыкой и плясками. У разносчика за спиной висела какая-то облупленная штука со струнами, в которой Люс не решилась признать лютню, мельник и вовсе достал из-за пазухи дудочку. Последняя надежда Люс, бродячий проповедник, не стал метать громы и молнии в грешных музыкантов, а сам исполнил весьма непотребную балладу о попе и трактирщице.

Таким вот музыкальным манером Люс добралась до рыночной площади Ноттингема.

Тут она наконец поняла, что от ансамбля будет-таки польза. Городская стража знала девиц и помогла им пробиться сквозь толчею к лучшему местечку – у самого каната, огораживавшего площадку для стрельбы длиной метров этак в сотню.

Естественно, не забыли и красавчика пажа.

С лучшего на площади места совершенно не было видно разукрашенного майского дерева, разве что дюйм верхушки, но оно девиц пока и не интересовало. Пляски с поцелуями должны были завершить праздник, а открывало его состязание стрелков.

– Не пропустите самого интересного, девушки, – сказал, нагнувшись к уху Мэгги, долговзый стражник. – Господин наш, лорд Блокхед, сегодня поставил кое-кому ловушку!

– А что за ловушка такая, Дик Солсби? И не на женщину ли эта ловушка? – загомонили девушки, наперебой обнимая со всех сторон стражника и яростно его теребя.

– Да тише вы! – вдруг шепотом испугался Дик Солсби. – При чем тут женщины? Какое они имеют отношение?...

Но шальные девицы никак не могли проникнуться духом военной тайны.

– Какое отношение имеет наш лорд Блокхед к женщинам?!?

Расхохотались они так, что Люс даже заинтересовалась. Возможно, именно лорду Блокхеду и придется наносить исторический визит...

– Ну, Дик Солсби, начал, так продолжай, – велела Бетти, дергая его за перевязь.

– Лорд объявил, что главный приз будет изготовлен за его счет, и он лично дал золото кузнецу Джеймсу, чтобы тот отлил золотой наконечник для стрелы. Стрела с золотой головкой, вот!

– Ну, эту новость, Дик, ты мог оставить при себе, – разочарованно сказала Энн Перри. – Мы уже две недели назад знали про стрелу.

– А зачем лорду понадобилось тратить деньги на такую глупую игрушку? Это вы тоже знали? – тем же свехтайнственным шепотом осведомился стражник.

– У лорда денег много, – рассудительно отвечала Мэгги. – И золота с серебром много. Вот он их и тратит на что хочет. Ему просто нужно, чтобы во всех графствах говорили про его щедрость.

– Щедрость! Как же! – и физиономия стражника снова изобразила причастность к некой великой тайне. – Щедрость милорда Блокхеда! Расскажите это вон тому сарацину!

Тут только Люс обратила внимание на мишень для стрелков.

Она знала, что обычная в таких случаях мишень – «бычий глаз», но местный лорд, видно, побывал в Святой Земле, а, может, и не он, а его благородный папенька. На видном месте торчала подпертая сзади кольями деревянная фигура сарацина в длинном кафтане и в чалме с перьями. На груди у фигуры были нарисованы концентрические круги. Особенно резчик по дереву и художник потрудились над жуткой физиономией. А усы с бородой, видно, не доверяя ни кисти, ни ножу, смастерили то ли из черной шерсти, то ли из крашеной пакли.

– Не хочешь говорить, ну так и молчи, Дик Солсби! – выждав несколько секунд, воскликнула Мэгги. – Непременно тебе нужно кого-то опорочить, если не отца настоятеля, так самого милорда! Иначе тебе и жизнь не мила!

Стражник посмотрел налево и направо. Его соратники стояли довольно далеко вдоль ограждения, сдерживая напор прибывавшего народа.

– Только – тихо! Милорд хочет выманить из лесу «зеленые плащи»!

Тут уж Люс наострила ушки!

– Не такие они дураки, – сказала Мэгги, и в голосе слышалось явственное презрение к лорду.

– Да нет же, конечно, не дураки, – согласился Дик, – только гордости в них больше, чем блох в старом козле! Не может быть, чтобы они узнали про стрелу с золотой головкой и не приняли вызова! Конечно, все они вряд ли явятся, но лучших стрелков наверняка пришлют...

– По-моему, тут будет веселее, чем мы рассчитывали, – и Мэгги заозиралась по сторонам. Люс вполне ее понимала – заваруха могла начаться в любую минуту, и девушке в такой заварухе делать нечего. Но Мэгги напрасно надеялась выбраться – толпа плотно обступила площадку, и тем, кто по знакомству оказался на лучших местах, оставалось лишь смиренно ждать конца состязаний.

– Хотела бы я видеть, как лорд Блокхед справится с «зелеными плащами», – задиристо сказала Энн.

– Лорд берет с собой на праздник всю свиту, в замке останутся только хромой Джек и одноногий Барри. И он договорился с нами, значит, с городской стражей...

Тут Дик вспомнил, что выдает военную тайну, и замолчал. Он только сказал: «Вот!» и оттянул вырез кожаного жилета. За пазухой у него был немалый моток веревки.

Толпа загалдела.

– Милорд и миледи! – воскликнула Энн. – Ну, сейчас начнется!

Одетая в длинные кольчуги свита бесцеремонно расчистила место, потеснив и городскую стражу, и зрителей. Через минуту Люс увидела всадников.

Впереди на высоких скакунах рука об руку ехали лорд и леди Блокхед. Лошадиные попоны, расшитые гербами, мели по земле. На милорде были длинный плащ вишневого бархата и здоровенная золотая цепь на груди. На миледи – синий плащ, подчеркивающий красоту ее золотых кудрей, и почти такая же цепь, только поменьше, фунта, пожалуй, всего на три... Ее парчовое жесткое платье было с очень низким вырезом, а вырез обшит лентой, утыканной драгоценными камнями подозрительной величины. Лорду было под сорок, леди – около тридцати, отнюдь не молодость по тем временам.

Естественно, Люс больше интересовал лорд Блокхед. Она оценила его удлиненное правильное лицо, золотистые, подвитые на концах волосы и аккуратную бородку. Лорд был в меру хорош собой, плечист, и лежащие на поводьях руки тоже вселяли надежду – они были загорелые, крупные, с длинными пальцами, наверняка обладали железной хваткой и намертво сливались с рукоятью меча или охотничьего кинжала.

Следом ехала другая пара – пожилой джентльмен, одетый в более скромный и, невзирая на жару, подбитый мехом коричневый плащ, и юноша лет шестнадцати.

Это был хрупкий, болезненного вида мальчик, со светлыми, почти платиновыми волосами, спадавшими на лоб ровной челкой до самых бровей. Будь Люс в более поэтическом настроении, она бы вспомнила какую-нибудь цитату про седых мальчиков, потому что память у нее была отменная. Но сейчас ее больше интересовал лорд Блокхед.

А между тем глаза у мальчика были поинтереснее светлых глаз лорда. Темно-карие, довольно глубоко посаженные, они то вспыхивали, то гасли под густыми темными ресницами. Одновременно тревога, настороженность и нерешительность были в этом взгляде. И в то же время он притягивал. Люс тоже поддалась на миг обаянию взгляда, потом мысленно встрях-

нулась, огляделась по сторонам и обнаружила, что немало краснощеких девиц уставились на юношу почти так же, как сама она несколько секунд назад.

Но ей сегодня был нужен вовсе не стройный, как тростинка, глазастый мальчик. Она прибыла сюда на поиски настоящих мужчин. Вроде тех, кто, уже отдавшись всей душой состязанию, сейчас протискивается сквозь толпу к огороженной площадке и к сарацину. Она узнавала их по длинным, в человеческий рост и более, лукам, по колчанам с оперенными стрелами, а еще – по глазам. У них были веселые и дерзкие глаза. А если судить по жизнерадостному девичьему визгу, обозначающему маршрут каждого стрелка сквозь толпу, у них были еще веселые и дерзкие руки. И это обнадеживало.

Люс выросла среди серьезных до уксусной кислоты, блеклых, долговязых, страдающих всеми известными медицине расстройствами пищеварения мужчин, чья благовоспитанность вселяла в душу стойкое отвращение. Только такие и появлялись поблизости от стадионов, где заправляла ее неугомонная бабушка. Они носили элегантные пиджаки, говорили с бабушкой о крупных деньгах и крайне терялись, когда Диана пускала в ход свою неформальную лексику.

Пока конная свита лорда и леди – а в нее действительно входило все население Блокхед-холла, включая горничных на мулах и даже кормилицу с годовалым ребенком, завернутым в парчовое покрывало, – располагалась на самых лучших местах, Люс разглядывала в толпе своих возможных соперниц. И осталась очень довольна.

Местные девицы и молодые женщины были, как на подбор, круглы и неповоротливы. Роскошные груди так и рвались из сорочек. Юбки неуклюже сидели на крутых боках. С такими пышными бедрами носить широкие юбки – на взгляд Люс, это было натуральное самоубийство. До талии, вероятно, могли докопаться лишь сильные пальцы стрелков. На глаз ее точно установить не удавалось. Возможно, дело было еще и в том, что Люс выросла среди стройных, тренированных, подтянутых женщин.

Глядя на соперниц, Люс с удовлетворением вспомнила кадры записи своего коронного поединка – изящную и стремительную фигурку в изумрудном трико, безупречность талии и маленькой округлой груди, гибкость своей спины и стройность своих бедер. Здесь о такой роскоши еще не слыхивали. Люс была просто обречена на успех.

Пока она сравнивала себя с крестьянками и горожанками, на площадку вышел человек, одетый в алый плащ с неразборчивым гербом, зеленые штаны, желтый нагрудник с другим гербом и сложносочиненные рукава, привязанные к чему-то вроде жилета разноцветными лентами. В руке он имел свиток совершенно карикатурного размера. Это мог быть или герольд, или шут его светлости. Поскольку никто не расхохотался, пестрый джентльмен, очевидно, был герольдом.

Двое из свиты лорда протрубили в рога. Началась официальная часть – зрителям долго и на разные лады рассказывали о щедрости лорда и леди. Затем один из слуг поднес леди на бархатной подушечке пресловутую стрелу с золотой головкой. Леди подняла главный приз над головой, чтобы все видели – вот оно, золото!

Были и другие призы – оловянные кубки, большое блюдо, видимо, под жареного кабанчика, и серебряный браслет, который Люс могла бы носить вместо пояса.

Герольд поклонился лорду с леди, испросил их позволения начать состязание, получил благосклонные кивки – и оно наконец началось.

Сперва лучники как бы стеснялись. Герольд вызывал их так и этак, а получил на площадку выпихнутого с большим шумом из толпы толстого мельника – того, кто прибыл вместе с Люс на осле.

Мельника здесь хорошо знали и бурно приветствовали, предчувствуя удовольствие и потеху. Тем более, что он уже успел не только разжиться луком со стрелами, но и приложиться к кувшину с элем.

На редкость пронзительный женский голос пожелал ему направить удар в цель не хуже, чем он это проделывает ночью со своей мельничихой, а другой голос, еще более звонкий, немедленно внес поправку – и из поправки выходило, что тем же самым, но с большим успехом, занимается еще и какой-то монах из соседней обители.

Мельник оправдал ожидания – две стрелы улетели непонятно куда, а третья снесла перо с пышной чалмы сарацина.

Затем понемногу стали выходить и настоящие стрелки. Стрелы уже втыкались в концентрические круги на груди сарацина, хотя попасть в центр не удавалось пока никому.

Люс и ее «ансамбль» с большим азартом следили за событиями.

– Гляди, гляди, Энн! – кричала Мэгги. – Выходит Джонни Хемпшир! Этот не промахнется!

– Во-первых, Джонни промахнется! И стрелы ему не видать, как своих ушей! – орала прямо ей в ухо Энн Перри. – А во-вторых, еще не было ни одного «зеленого плаща»!

Люс посмотрела на противоположную сторону площадки. Там, за ограждением, она видела всякие плащи – серые и коричневые домотканые, синие, красные и желтые из привозных тканей. Но, как на грех, не было ни одного зеленого.

И тут она почувствовала, что ее дергают за край сюрко. Дергала Энн, и делала это не глядя. Очевидно, она считала, что нашарила в тесноте юбку Бетти. А смотрела она, приоткрыв от восторга рот, на очередного стрелка.

До этого всем прочим было далеко.

Он только что поднырнул под канат, встал на должном расстоянии от сарацина и неторопливо выбирал в колчане длинную стрелу, не обращая внимания на галдеж зрителей.

Это был рослый красавец с безупречным профилем, чем-то похожий на лорда Блокхеда, такой же широкоплечий и статный. Вот только глаза у него были ярко-синие, да волосы – русые с рыжинкой, даже на взгляд упругие и жесткие. Люс уставилась на него так, как в нежнейшем детстве, впервые попав в зоопарк, – на слона. В ее передовом и чересчур просвещенном веке такие красавцы давно вывелись.

– Как его зовут? – за спиной у Люс хриплым шепотом спросила Бетти.

– Молчи! – таким же шепотом отвечала Энн. – Это же «зеленый плащ»!...

И девушки покосились на стражника Дика.

Дик же, сообразив, что со стрелком что-то неладно, стал пропихиваться вдоль каната куда-то вправо – видно, так было условлено.

Стрелок сделал три положенных выстрела, причем первые два – почти в центр, а третий – точнехонько в серединку. Толпа завывала от восторга.

С большим трудом, размахивая рукавами и заставляя трубачей трубить во всю глотку, герольд утихомирил возбужденную публику, чтобы громогласно спросить – будут ли еще желающие попытать силу и удачу, или же стрела с золотой головкой нашла хозяина.

Разгорелся спор – отдавать ли ее первому, кто попал в центр мишени, или же дать возможность пострелять всем желающим. Стали вспоминать, как это делалось при папеньке и дедушке ныне здравствующего лорда. Сцепились не на шутку – в двух местах даже вспыхнули короткие драчки.

Тем временем следующий претендент возник на площадке, как чертик из табакерки. Был он на полголовы ниже эффектного блондина, черноволос и черноглаз, хорош собой, хотя такой прически – густой челки, как у пони, и сзади стрижки «под горшок» Люс не одобряла. Правда, показалось ей, что он в плечах, пожалуй, будет пошире блондина. Притом он оказался шустр и подвижен до изумления – не успел нырнуть под канат, как сразу появился возле сарацина, постучал его пальцем по деревянной груди, потом чуть ли не в один прыжок возник за спиной у герольда и шепнул ему в ухо нечто такое, от чего герольд всплеснул рукавами и густо покраснел. А вороной стрелок так же незримо перенесся к той черте, откуда полагалось стрелять.

Первым же выстрелом он сломал стрелу своего предшественника, торчащую в серединке. Вторая его стрела вонзилась точь-в-точь рядом с первой. Толпа завопила, и это, видно, немного отвлекло стрелка – его третья стрела закачалась в дюйме от двух предыдущих.

Опять герольду пришлось махать рукавами и гасить страсти. Он совсем было приказал трубачам трубить в рога, чтобы леди торжественно вручила приз победителю, да и леди уже взяла в руку стрелу с золотой головкой.

И тут на площадке появился еще один стрелок.

Увидев его, Люс поняла – вот она, ее погибель!

Длинные темно-каштановые волосы стрелка падали на плечи. И, хотя он был довольно далеко, Люс могла поклясться, что различает в этих блестящих кудрях несколько седых волосков. Черные брови почти сходились на переносице, а длинным ресницам позавидовала бы любая леди и в любую эпоху. Цвет глаз Люс издали затруднялась определить, но чувствовала – темно-синие, почти фиалковые! И у этого стрелка, как у первых двух, был точеный профиль с энергичным подбородком, с крепкой лепки носом и губами, с высоким лбом, скрытым под неизменной густой челкой, но только в плечах он был, как стрелок-брюнет, а в талии – вполвину тоньше стрелка-блондина.

Когда Люс увидела такой же, как на себе, рыжий ремень, да еще застегнутый чуть ли не на ту же дырочку, ей стало дурно. Она не думала, что родился на свет мужчина, способный перешеголять ее тонкостью талии. Извольте радоваться – родился! Да еще тысячу лет назад...

Третий стрелок закатал рукава и наложил на тетиву стрелу. Люс увидела его руки – загорелые, мускулистые, созданные, если вдуматься, не для лука или там меча, а чтобы носить обнаженных женщин. И ей захотелось всего сразу – сдернуть с него потертый замшевый сюрко, и эту груботканую рубаху, и даже цепочку с крестом, запустить руки в густые кудри и в короткую темную бородку, ласкать их пальцами и чувствовать в ответ ласку мужских пальцев, заблудившихся в облачке ее светлых волос, и слушать сумасшедшие слова, которые в ее веке мужчины говорить давно разучились...

Пока Люс грезила с открытыми глазами, все три выстрела угодили в цель.

Не дожидаясь приглашения герольда, третий стрелок уверенно пошел туда, где сидела на коне леди Блокхед, уже протягивая ему стрелу с золотой головкой. Свита расступилась, толпа примолкла.

Но в тот миг, когда красавец-стрелок протянул руку за призом, лорд, видимо, подал незаметный знак – из толпы выскочили стражники с алебардами и веревками, а конная свита обнажила мечи. Даже служанки знали, что делать – они немедленно окружили госпожу, чтобы вместе с ней пробиться из самой свалки на край ноттингемской площади.

Толпа зарычала, послышался женский визг. И кто-то с яростным восторгом завопил во всю глотку:

– «Зеленые плащи»!!!

Великолепный стрелок рванул за повод коня леди так, что наездница покачнулась, и выхватил из ее руки победную стрелу. Потом он небрежно стряхнул с плеч какую-то кольчужную тушу, и тут же двое его бывших соперников оказались с ним рядом. Брюнет сбил с ног чересчур ретивого стражника Дика, блондин стойкой от ограждения вышиб из чьей-то руки меч. И пошла заварушка!

В первые секунды Люс потеряла всякое соображение. Ее толкали и пихали со всех сторон, в одно ухо орали: «Защищайся!», в другое верещали: «Бежим!». Уж больно внезапно началось побоище, не как привычные ей турниры по историческому фехтованию. Но недаром первая ласточка женского хронодесанта носила гордый титул «А-Гард»!

Люс-А-Гард выхватила из ножен длинный кинжал, ребром левой ладони рубанула по шее подвернувшегося стражника и в три прыжка пробилась к лесным стрелкам. И тут выяснилось, что не она одна торопилась к ним на помощь. Еще какие-то мужчины продирались

сквозь толпу, взлетали мечи, трещали алебарды, и краем глаза Люс успела заметить, что стрелок-брюнет сидит на коне позади хрупкого юноши, обхватив его одной рукой, а другой пытается освободиться от крюка на длинном шесте, которым его хотят стащить наземь.

Рядом с Люс опустился на колено, схлопотав кулаком под ложечку, стражник. Без всякого милосердия Люс взбежала по широкой спине, оттолкнулась – и повисла на шесте, причем только на левой руке, потому что в правой был кинжал. Шест, естественно, треснул, и она приземлилась на чье-то поверженное тело с обломком в руке, причем обломок ей немедленно пригодился – огреть по шлему ретивого бойца из свиты лорда.

А потом ее схватили за правую руку, которая с кинжалом, и потащили куда-то влево. Она повернулась, чтобы увидеть, кто это такой заботливый, и при необходимости, разбив захват, заехать ему локтем в пузо. Но, разглядев, радостно побежала рядом с этим человеком – плечом к плечу и куда угодно!

Глава третья

Ночь под кустом

– Если бы не ты, парень, вовеки бы мы не увезли молодого лорда!

Люс, хоть убей, не помнила, как это она помогла захватить такого важного пленника. Но вся ватага в один голос утверждала, что это было именно так, причем каждый приводил свои неповторимые подробности. А главное, самый меткий стрелок сегодняшнего состязания сидел рядом с ней у костра, уговаривая ее послать к чертям своего господина и присоединиться к «зеленым плащам» Шервудского леса.

Всю жизнь мечтала Люс-А-Гард о таком великолепном ужине – возле огромного костра, где на целой оглобле медленно поворачивают оленью тушу, а вино льют в деревянные и оловянные кубки из неохватного бурдюка, чтобы справа непременно сидел, завернувшись в плащ по уши и гордо отвергая все это великолепие, голодный знатный пленник, за которого наверняка заплатят роскошный выкуп, а слева бодро хлопал ее по плечу, чтобы привлечь внимание, единственный в мире человек, от чьего взгляда у нее голова идет кругом. А напротив чтобы стоял голый по пояс белокурый верзила и под обчий хохот озадаченно разглядывал продранную рубашку, причем его мускулы должны обязательно отливать и бронзой, и золотом.

Эстетическое чувство Люс было удовлетворено полностью и окончательно. Вдруг она ощутила на кисти левой руки болезненную точку. Люс взглянула – точка оказалась черной. Когда же Люс попыталась ее пощупать, точка мгновенно исчезла, оставив неприятный зуд. Тут только Люс сообразила, что это была блоха.

Конечно, она читала в книгах, что в неумытые средневековые времена водились и блохи, и клопы, и прочие мерзкие кровопийцы, но первый личный контакт с таким насекомым потряс ее до глубины души. Хорошо еще, что бабка Диана, знакомая с паразитами не по картинкам в учебнике, добавила в походную аптечку соответствующих вонючих мазей, чтобы унимать зуд и отгонять шестиногих хищников. Люс немедленно зашарила рукой под сюрко там, где у нее была пристегнута аптечка.

Ей стоило немало труда откопать наощупь тюбик. Капелька зеленоватой дряни утихомирила болезненное место, но «зеленые плащи» стали подозрительно принюхиваться. Люс даже рассердилась – вонь от неделями не снимаемых сапог эту команду не смущала, а медицинский аромат им, видите ли, не по нутру!

Теперь-то она поняла, почему лесную шайку так прозвали. Уже выбежав из города, они покидали пестрые наряды и откуда-то подоставали зеленые и бурые лохмотья. Сейчас, сидя у костра, они в своих защитных плащах почти сливались с кустами, выделялись лишь энергичные и жизнерадостные лица.

«Зеленые плащи» пили и пели медвежьими голосами, пока поодиночке не уснули прямо у пламени, не позаботившись его потушить.

Пленник по-прежнему сидел прямо и молча глядел в огонь.

– На вашем месте я бы что-нибудь съел, добрый сэ, – обратился к нему избранник Люс. – Мясо еще не остыло, эль у нас крепкий.

– Если вы предводитель этого сброда... – высокомерно начал юноша и запнулся, встретив взгляд стрелка.

– Да, я у них тут за главного, и не потому, что родился от породистых родителей, – холодно ответил «зеленый плащ». – Вы, добрый сэ, обучались у монахов, так ответьте мне на такой вопрос: когда Адам пахал, а Ева пряла, где был тогда дворянин?

– Вам угодно устроить тут богословский диспут о божественной природе власти? – несколько оживился юноша. Люс улыбнулась – и этому хрупкому ребенку непременно хоте-

лось быть победителем, пусть даже в диспуте с носу на нос у догорающего костра. Это желание не то что было ей знакомо – оно было главным желанием всей ее жизни.

– В богословии я не силен, добрый сэ, – честно признался стрелок. – Но я бегаю быстрее всех, прыгаю дальше всех, стреляю метче всех. Если кто-то мне перечит, то я готов сойтись с ним в честной борьбе, без подножек. Поэтому я стал вожаком. Надо полагать, на то была воля Божья, потому что не я у вас в плену, а мои ребята взяли в плен вас. Что до меня, то я не принял бы вас в ватагу, добрый сэ, оруженосцем к самому хилому из моих стрелков. Эта должность вам не по плечу, сэ.

– Пожелай я остаться у вас в ватаге, нашлось бы и для меня место, да такое, которое никому из вас занять не под силу и не по разуму, – помолчав, сказал юный пленник.

– И что же это за место? – поинтересовался стрелок, приосанившись и как бы предлагая пленнику полюбоваться своей богатырской статью.

– Я же сказал – место разумного человека. Хоть один из вас умеет читать, писать или складывать стерлинги и пенни, когда монет больше десятка?

Тут стрелок хмыкнул. И попросту не ответил на вопрос, а юноша не стал настаивать.

– Так зачем вам понадобился наш предводитель, добрый сэ? – спросил он наконец.

– Чтобы предупредить его – не пройдет и суток, как мой благородный брат лорд Блокхед соединится с шерифом и придет сюда за мной. Посмотрим, как от вашего сброда останется мокрое место...

– А интересно, кто укажет дорогу благородному лорду и шерифу? – хитро любопытствовал стрелок.

– Поселяне, – твердо ответил пленник. – Если им заплатят. А лорд Блокхед хорошо платит.

– М-м-м... Да-а-а... – протянул стрелок и вдруг замурлыкал мелодию, как бы припоминая ее и сам себе дирижируя пальцем. А потом он и вовсе запел: – Старуха Робину в ответ: «Коль ты и вправду ты, прими подмогу, Робин Гуд, от нашей нищеты! Кто мне прислал в голодный год и хлеб, и башмаки, того я как-нибудь спасу от вражеской руки...»

– Робин Гуд?! – и тут глаза юноши потеряли старательно выдерживаемый холодный прищур и стали круглыми, как орехи.

Люс тоже как бы приподняла какая-то антигравитационная сила, подержала секунду в воздухе и аккуратно шлепнула на место.

– Нет, настоятель Оксфордского аббатства! – воскликнул стрелок.

– Какой же ты Робин Гуд? – чуть опомнившись, возразил пленник. – Я слышал, что тебя зовут Томас Тернер – разве нет?

– Кто такой Томас Тернер? – осведомился стрелок. – Почему я впервые слышу это имя? Это кто-то из моих молодцов?

От такого ответа юноша только сердито засопел, а стрелок встретил восторженный взгляд Люс и подмигнул ей.

– Мы с вами в Шервудском лесу, молодой лорд, – уже помягче сказал он. – А какой же Шервудский лес без Робина Гуда? Это уж будет непорядок, добрый сэ! Где Лондон – там и король. Где лес – там и Робин. Вот разве что ваша светлость прикажет вырубить лес под корень...

Некоторое время оба молчали. Юноша – сердито, назвавший себя Робинот Гудом – пофыркивая, а Люс – с любопытством переводя взгляд с одного безмолвного собеседника на другого.

Юноша сдался первым. Он демонстративно лег спиной к стрелку, завернулся в плащ с головой и несколько минут спустя стал усердно посапывать.

– А ведь неизвестно, успеем ли мы с вами позавтракать, добрый сэра, – задумчиво сообщил ему стрелок. – Я бы все-таки на вашем месте ночью тихонечко пожевал холодного мяса, а хлеб мы держим вон в той корзине.

– Бог с ним, – и Люс коснулась рукой мощного плеча.

– Нет уж, если хочет быть в ватаге разумным человеком и вести нашу переписку с лордом и шерифом – пусть привыкает к нашему распорядку, – и стрелок негромко рассмеялся.

– Упрямый мальчишка, и ничего больше, – проворчала Люс, несколько обиженная тем, что какому-то полудохлому графу стрелок уделяет больше внимания, чем ей.

– Сдается мне, что ты еще моложе этого мальчишки, – заметил стрелок.

– Сколько же ему лет?

– В прошлом году на святого Михаила стукнуло восемнадцать, это я точно помню. Тогда же и началась вся история с наследством.

– Какая история? – спросила Люс, в точности соблюдая инструкции мудрой Асият: сперва дать объекту наговориться в полное его мужское удовольствие.

– Паренек, сам видишь, пустое место, не чета тебе. Лорд Блокхед у старого лорда был первенцем, потом сколько-то детишек родились и померли. Старый лорд овдовел, взял за себя молодую, она тоже ему троих родила, а только самый младшенький выжил. Ну, решили дряхлятинку отдать в монахи, тем более, что куда еще девать младшего сына? Но тут вернулся из Палестины какой-то дядюшка второй супруги старого лорда. Его тут давно отпели, сколько на упокой его души в обитель всякого добра отдали – не перечеть! А он возьми и вернись из Палестины!

Стрелок от души расхохотался. Люс покосилась на юношу – спит или слушает собственную историю? Похоже, что заснул...

– И ведь все приползали оттуда без гроша за душой, а этот привез неслыханное богатство! И объявил – все отдаст хворенькому племянничку. Ну, наш лорд, конечно, сразу монахам – от ворот поворот! А у дяди через полгода – новая придурь. Он себе привез сарацинскую девку, жил с ней, жил, а она зимы не выдержала и померла. Так что бы ты думал, парень? Он вдруг решил жениться и оставить законного наследника! И ведь женился! Ну, про это ты, наверно, слышал – взял дочку сэра Питера Хэмфри.

– Ага, – на всякий случай сказала Люс.

– Вот теперь наш лорд с леди ждут, что у них там с молодой женой получится, – весело завершил стрелок. Дядя-то стар, как Масу... Муса... Ну, как его?...

– Мафусаил, – четко выговорила Люс.

– А ты, парень, тоже грамотный? – заинтересовался стрелок. – Я вот подумал – точно, не дело, что бумагу перехваченную прочесть или там добычу посчитать в ватаге некому. Ладно, твою долю в добыче мы потом обсудим... Мафусаил? Так вот, хорошо, если молодая Мафусаилова женушка догадается кого на помощь позвать. Хоть бы и из соседней обители, там братья по этой части – о-го-го! А если нет? Мафусаил-то скоро помрет, ей – вдовья часть, а все наследство – вот этому красавцу. Так что сэра Эдуард сейчас спит и видит, чтобы Мафусаил помер, не оставив ни сына и ни дочки. Тогда он на такие денежки лапу наложит!

И красавец-стрелок прямо замычал от восторга.

Люс явственно видела, что ее избранник – дитя лесной чащобы. Конечно, природный ум тут имелся, и сообразительность, и чувство юмора, вполне приличное для двенадцатого века. Но, с другой стороны, разворот богатырских плеч, прищур синих глаз и повадка бывалого бойца были для нее слаще меда.

– Ну, давай-ка, парень, ложиться, – распорядился стрелок, то ли Томас, то ли Робин. – Завтра отсюда затемно убраться надо. Мы больше двух ночей на одном месте не спим. Ну, пойдешь с нами, что ли?

– Подумать надо, – сказала Люс.

– Ты решайся! С нами не пропадешь! Все красивые девчонки – наши! Думаешь, они в Шервудский лес по грибы ходят? В Шервудском лесу для них такие грибы вырастают – о-го-го!

И стрелок показал, какие именно грибы, таким жестом, что Люс даже порадовалась несправимости рода человеческого.

Стрелок же улегся вполне грамотно – ногами к догорающему костру, завернулся в плащ, а через полминуты уже спал.

Люс глядела на него, терзаясь противоречиями.

Она, одна из самых светских молодых дам своего времени, не могла вот так прямо взять и грехопасть с человеком, которого знала всего несколько часов – правда, весьма насыщенных часов, – будь это хоть сам Робин Гуд. Начать хотя бы с того, что при всей любви к восточным единоборствам и историческому фехтованию, ее душа жаждала цветов, шампанского и комплиментов...

Конечно, и цветы ей дарили, но это были букеты из трех роз или пяти гвоздик. Конечно, и шампанское в ее жизни было. И комплиментов она наслушалась. Но недаром эту женщину звали Люс-А-Гард! Ей хотелось уж коли цветов – так охапками, шампанского – ваннами, а комплиментов – умопомрачительных!

Но какое, к лешему, шампанское мог ей предложить этот лесной бродяга?

Это была одна сторона медали. Другая заключалась в том, что Люс успели-таки покусать блохи.

Это было ужасно. Она не могла представить себе, что заснет, путив пастись на свое нежнейшее тело эскадроны этих чудовищ – а может, и еще каким многоногим тварям, потому что от «зеленых плащей» Шервудского леса можно было, пожалуй, набраться чего угодно. Сидеть же до утра, скорчившись и гоня проклятых блох, которые на новейшие антинеасекомые мази чихать хотели, она совершенно не желала. И мысль о том, что в неготесанном средневековье ей предстоят исключительно блохастые ночи, ее совершенно не радовала.

Оставалось одно – соблазнить красавца-стрелка сейчас и немедленно. Люс плохо знала повадки блох, но надеялась, что они не трогают тех, кто активно двигается.

Опять же, она не могла припомнить, чтобы близость мужчины так ее волновала.

Конечно, победительница Люс во всем хватала через край – кроме дюжины профессий и стенда с турнирными медалями, она имела еще и троих бывших мужей. За первого она пошла из любопытства, за второго – чтобы досадить первому, а третий оказался ей достойным сырьем, чтобы вылепить из него мужчину. Напоровшись на отчаянное сопротивление сырья, Люс получила в паспорт третий штамп о разводе и поддалась на бабкину провокацию. О ребенке она всерьез не задумывалась, бабуля Диана и не собиралась делать на это ставку, но быть первой в такой великолепной аванюре?! Тут бабкин расчет оказался верен на все сто процентов. Тем более, Люс любила осознавать, что на нее с надеждой глядит все человечество...

Люс сидела у гаснущего костра, глядела на спящего темнокудрого великана и думала, что, пожалуй, веселые местные толстушки куда счастливее ее. Им доставались бойцы – а Люс и ее сверстницам – разговорчивые и ленивые экземпляры, весьма несовершенные как физически, так и эмоционально, зато умеющие очень научно объяснить и превознести свое несовершенство.

И вот сидела Люс, смотрела на стрелка и все больше понимала, что только с ним познает во всей полноте то счастье, о котором читала в книгах из бабкиной библиотеки.

И она опустила на колени перед спящим стрелком.

Ей бы очень хотелось исполнить один из тех восточных эротических танцев, которым научила ее и Зульфью мудрая Асият – в свете гаснущего костра Люс смотрелась бы превосходно. Но она вовремя сообразила, что могут проснуться другие стрелки. И финальное па вызовет слишком бурную реакцию зрителей.

Поэтому она просто провела узкими ладонями над лицом спящего избранника, концентрируясь на одном мыслеобразе и посылая вспышки энергии. Легкий бесконтактный массаж должен был настроить стрелка на соответствующий лад.

Но массаж вскоре стал контактным.

Люс осторожно коснулась щек и бородки Томаса Тернера – а, может, все-таки Робина Гуда? Она потрогала упругие завитки его кудрей, и погладила крепкую загорелую шею под этими завитками, и ее тонкие пальцы как-то незаметно оказались у него под рубашкой, на горячей груди. Рубашка, как и у Люс, была стянута у ворота шнурком. Люс потянула за шнурок – и узелок развязался.

Тут она поняла, что на ней, пожалуй, надето слишком много лишнего. Обреченно вздохнув и пообещав себе, что такую блохастую ночь она проводит первый и последний раз в жизни, Люс стянула через голову фестончатую короткую пелеринку с капюшоном, а навязанный бабушкой плащ постелила на траву, возле стрелка, и устроилась так, чтобы обе руки были свободны, а лицо спящего – обращено к ней.

Она продолжала невесомо ласкать избранника, но он, видно, набегался за день и спал мертвым сном. Хотя и веки у него дрогнули, и дыхание сбилось, и рука зашарила по траве – очевидно, наконец-то стало сниться навязанное Люс томление... Обнаружив эти признаки, Люс улыбнулась, склонилась над ним и поцеловала в губы.

Сонные губы сначала вяло воспротивились, как бы не понимая, что это такое им навязывают. Потом они шевельнулись уже более осознанно – приоткрылись. Люс скользнула к стрелку и обняла его за шею. Через несколько секунд поцелуй сделался уже вполне активным с обеих сторон, а уверенная рука легла ей на бедро и поползла выше – к груди.

Грудь была гордостью Люс. Безупречность ее формы одно время доставляла фехтовальщице немало хлопот – Люс чуть ли не ежедневно получала приглашения позировать то знаменитой скульпторше, то прославленной художнице, то известной специалистке по голограммам. Дошло до того, что отыскиали в Лувре ту чашу, которую изваяли по форме груди Марии-Антуанетты, и дама-стеклодув предложила Люс совместно вызвать на соревнование покойную королеву. Все эти деятельницы искусства наговорили столько комплиментов бюсту, сравнивая его то с половинками яблока, то с античными образцами, что разъяренная Люс полгода ходила в закрытых свитерах с воротниками под горлышко.

И вот крепкие пальцы нашарили безупречную грудь. Люс извернулись так, чтобы стрелку было удобнее. Она уже думала, как поскорее избавиться от сюрко и пристегнутой к поясу аптечки. Да и вообще следовало бы убраться подальше от костра и спящей ватаги.

Но тут ее подстерег крайне неприятный сюрприз.

– Бедняжка... – ласково сказал окончательно проснувшийся стрелок и убрал руку с ее полюбленной груди.

Люс остолбенела.

– Почему это... бедняжка?... – заикаясь и запинаясь, спросила она.

– Такая ты неудачная уродилась, – загадочно высказался стрелок. – Наверно, с детства хворенькой была... Что ж тебе и оставалось, как не пажом одеться?

Люс ошарашенно молчала.

– Ты девчонка, конечно, добрая, – качая кудлатой головой, продолжал красавец-стрелок. – Хорошая ты девчонка! А будь ты парнем – цены тебе бы не было! Я бы тебе в ватаге полторы доли добычи дал. Или даже две!

– При чем тут добыча? – все еще не могла понять его Люс, очень озадаченная горестными интонациями.

– В ватаге бы тебе цены не было, – гнул свою загадочную линию стрелок, – да и деваться тебе, если хорошенько подумать, больше некуда.

– Как это мне деваться некуда?

Стрелок сел поудобнее и поднес обе огромные ладони к богатырской груди, как бы приподнимая свой несуществующий бюст. Сделав этот странный жест, он посмотрел на Люс очень даже выразительно. Она помотала головой, уже решительно ничего не понимая.

– Кто же тебя такую замуж возьмет? – и стрелок потряс ладонями с лежащим на них воображаемым бюстом.

– Сватались! – возразила Люс. – И неоднократно!

Это было чистой правдой – сватались многие, а трое даже стали мужьями, но знать об этом стрелку было как-то необязательно.

– А раз сватались, то и нужно было свое счастье хватать! – заявил стрелок. – Что же ты зевала? А как время упустила – и к «зеленым плащам» прибиться рада? Голубка ты моя, ничего у тебя здесь не получится. Сама же понимаешь – какую девку нужно вольному стрелку? Чтобы – кровь с молоком! Чтобы груди – вот такие!

И он растопырил обе пятерни до крайнего предела.

Плотерявшая всякое соображение Люс повторила его жест. Дурацкая ситуация никак не укладывалась у нее в голове.

– И бока чтобы, и задница! – мечтательно перечислял стрелок. – А ты? Ну подумай хорошенько! Паж – как есть паж. И задница у тебя с твой же кулачишко. Кому она такая нужна? Я понимаю, нравимся мы тебе...

– Впервые слышу, что леди знатного рода должна иметь во-от такую задницу! – сварливо отвечала Люс, разводя руки на всю возможную ширину.

– Запахни рубашку-то, – посоветовал стрелок. – Поостудишься! Ну, коли ты – леди, так и ищи себе лорда. Могу одного предложить – вон, у костра валяется. А мы, лесные стрелки, ребята простые. Нам подавай женщину в теле. Ты только не обижайся, девочка, так уж мы устроены. Все у нас – от души! Деремся – так от лордов пух и перья летят, едим – так олени или там кабанчика за вечер уминаем, любим – так самых грудастых девок! Потому и сыновья у нас – крепкие, как бычки! А тощие – они дохлятину рожают... Ищи уж себе чего другого... или входи в тело! Тогда – примем и обласкаем!

– Благодарствую, добрый сэръ, – ядовито сказала Люс. – Как только – так сразу! На днях или раньше!

– Чего торопиться-то? – простодушно спросил стрелок. – Девчонка ты еще молодая, все себе наживешь, и тут, и тут...

Он показал руками на своем богатырском стане, где и чего недоставало прославленной Люс-А-Гард.

Люс от ярости засопела.

– Да ты что? – забеспокоился он. – Ну, не обижайся, мы тут, в Шервудском лесу, как подумаем, так и брякнем! Хочешь? Бери!

Стрелок достал из-за пазухи золотую головку победной стрелы.

– Бери! – повторил он. – И не поминай лихом! Я себе еще раздобуду!

Люс сидела напротив него, словно каменная. Слышалось только ее сопение.

– Как знаешь... – пробормотал стрелок и положил головку рядом с собой на плащ. – Надумаешь – бери. А теперь давай спать. Мы до рассвета сняться с места должны...

Сам он заснул мгновенно.

Люс вскочила на ноги.

Одна мысль была у нее во взъерошенной голове – домой, домой!

Такого поражения в ее жизни еще не было.

Но, чтобы вернуться в хронокамеру института, нужно было по крайней мере отойти поглубже в лес, подальше от стоянки стрелков, и вызвать капсулу.

Уже шаря пальцами по браслету, Люс вдруг почувствовала на себе взгляд. И ощутила она его, как ни странно, грудью.

Щуплый отпрыск рода Блокхедов, которого судьба никак не могла решить куда девать – то ли в богатые наследники, то ли в монахи, – так вот, этот отпрыск, так некстати выкраденный стрелками, сидел, разинув рот, и смотрел в вырез распахнутой рубахи Люс. А в свете последних угольков костра зрелище, очевидно, было соблазнительное.

Юный лорд наверняка слышал, какую отповедь устроил Люс вожак ватаги.

Сперва она решила, что и этот заморыш вот-вот примется комментировать ее бестелесность. И почти раскрыла рот, чтобы хоть ему высказать все, что она думает о растреклятом двенадцатом веке.

Слова уже были сбиты в три крутые и свирепые фразы. Люс с вызовом посмотрела в глаза гнусному мальчишке – и во второй раз за ночь онемела.

Щуплый лорд, оказывается, смотрел на нее с таким восхищением, какого она за всю свою жизнь ни в ком не встречала, хотя и была знаменитой Люс-А-Гард.

Но ей было не до мальчишек.

Запахивая на груди рубашку, Люс медленно отступила в заросли и набрала на браслете код возвращения.

В ушах загудело, голова закружилась, вокруг внезапно выросли прозрачные стены, налились металлической чернотой, а перед самым носом сперва нарисовалась, а потом и распахнулась дверь.

Диана, Маргарет и Асият выстроились перед этой дверью, как на параде, и тянули к Люс руки совершенно одинаковым жестом. В глазах же у них трепетал один вопрос:

– Ну???

Люс хмуро махнула рукой и вышла из хронокамеры. Дверь за ней сама захлопнулась.

Заговорщицы переглянулись – что-то было не так.

– Идиотский век! – воскликнула Люс. – Одни идиоты! Понимаете? И-ди-о-ты!!!

Тут на мониторе высветился график, на панели заиграли огоньки. Маргарет, Диана и Асият, как стояли в строю, так и повернули дружно головы от разъяренной Люс к двери хронокамеры. Три пары рук, опустившихся было от недоумения, опять протянулись к этой самой двери – встречать Зульфию.

– Вау-ау-ау-у-у!!! – взвывла сирена, негромко, но так выразительно, что волосы становились дыбом.

– Она в опасности! – без голоса, одними губами сообщила перепуганная Маргарет. – Это, кто-нибудь... Аварийный режим!...

– Солнышко Зульфия! – воскликнула Асият, воздела руки над головой и запричитала на никому не известном языке.

Одна неукротимая Диана поняла, что имела в виду обеспамятевшая Маргарет. Она бросилась к панели и стала работать тумблерами. В эту секунду ей было не до Люс.

Дверь хронокамеры распахнулась. Оттуда хлынул поток мутной воды вместе с мелкими рыбешками. Диана отскочила, Асият умолкла на полуслове, а Маргарет подпрыгнула на месте, как будто надеялась приземлиться не в огромной луже, а по крайней мере на потолке.

Из хронокамеры вышла насквозь мокрая Зульфия. Была она без своего нарядного кафтанчика и даже без фальшивых драгоценностей, к тому же босиком.

– Тьфу! – первым делом она выплюнула комок тины. – Ну, я уж думала, не выплыву... Думаете, легко набирать код чуть ли не на речном дне?

– На дне? – воскликнула Диана. Имелось в виду – ты что же, голубушка, совсем плавать разучилась?

– Меня под челн затащило, – объяснила Зульфия, отжимая длинные косы. – А вода там, между прочим, ледяная.

Шлепая хвостом своего длинного шелкового плаща по огромной луже, Асият заметалась, обнаружила в углу служебный диванчик, стянула с него пушистую накидку и закутала мокрую внучку. Диана в это же время пыталась расстегнуть ей пояс, чтобы снять мокрые шальвары.

Ни на Люс, ни на Маргарет они уже не обращали внимания. По мокрому лицу Зульфии сразу было видно – А-Гард Семнадцатая вернулась с победой!

– Ну и кто же? – нетерпеливо спрашивали Асият и Диана. – Он сам? Сам?

– Разумеется, сам! – гордо сказала Зульфия. – Так и запишите в отчете – Степан Разин!

Глава четвертая Серебряная Свирель

Люс и Зульфия сидели в саду на лавочке.

Только что они узнали результаты анализа. Зульфия ждала сына.

Отправляясь в двенадцатый век, Люс вовсе не жаждала материнства. Более того – вся ее надежда была на то, что экспериментального ребенка будет нянчить команда врачей и медсестер. И поэтому сейчас Люс вовсе не завидовала материнскому счастью подруги. Просто ей было обидно, что ее обскакали.

Люс впервые в жизни не оправдала ожиданий и потерпела поражение.

После чего, спасая свое самолюбие, она сделала основательную глупость. На очередном заседании тринадцати заговорщиц она объявила двенадцатый век и Шервудский лес совершенно бесперспективными маршрутами. Она даже предложила забрать оттуда хрономаяк и установить в более цивилизованном месте и времени. Тем более, что хрономаяков – мало, и размещать их нужно осмотрительно. Маргарет обещала подумать об этом предложении.

А теперь Люс, опомнившись, ломала голову – как оставить хрономаяк в Шервудском лесу.

Конечно, ей было чем заняться и в своем времени. Оставались нехоженые маршруты, необъезженные лошади, непобежденные фехтовальщицы и тому подобные развлечения. Дюжина-другая побед реабилитировала бы ее в собственном мнении.

Но Люс, когда первая злость прошла, обнаружила, что никак не может забыть Томаса, Робина, или как там звали на самом деле этого любителя грудастых девок.

Об этом она и говорила на лавочке Зульфийи, а та ругала ее за яростный доклад на заседании заговорщиц.

– Даже если ты скажешь, что забыла в Шервудском лесу электронные часы, все равно тебя туда за ними никто не пустит! – возмущалась, причем не в первый раз, Зульфия. – Если бы ты только слышала, что ты им наговорила! Что от таких идиотов нормальных детей не родишь, а только аналогичных идиотов!...

Люс молчала.

– Ну, допустим, эту ерунду никто всерьез не принял. Но зачем было говорить правду? – в сотый, пожалуй, раз спрашивала мудрая внучка своей бабушки, Зульфия-А-Гард. – Неужели нечего было соврать? Кто бы побежал тебя проверять? А теперь... Теперь все знают, что мы на них не производим впечатления.

– Я все бы отдала, чтобы еще раз туда слетать, – призналась Люс.

– Скажи это своей бабушке! – посоветовала ехидная Зульфия. – Если у нее найдется время тебя выслушать. Они там разработали четыре подходящих маршрута. Один, кстати, в Элладу. Там именно спортивных женщин ценили. А машину-то мы можем использовать только полчаса в сутки!

– Надо что-то придумать. И я придумаю, – твердо сказала Люс. – Я доберусь до него! И я проучу его! Из шкуры вон вылезу, а проучу! Он еще на коленях будет передо мной ползать! Понимаешь, я от его наглости растерялась... Просто растерялась! А теперь я пришла в себя! И я готова!

– Ты-то готова, а хронокамера? – резонно спросила Зульфия. – Ну, кому была нужна твоя правда! Неужели трудно было придумать какую-нибудь дуэль? Или чуму? Впрочем... А почему бы не сказать им правду? Может, бабули растрогаются?

– Во-первых, никогда и ни за что! – возразила Люс, поняв, что речь идет о ее неожиданно пылком отношении к шервудскому стрелку. – Во-вторых, мою, пожалуй, растрогаешь!

– Можно мою... – неуверенно предложила Зульфия. И обе хором вздохнули.

Неугомонные бабушки смотрели на всю эту затею крайне практично. Если какой-то век не мог дать им здоровых младенцев – то и незачем было тратить на маршрут время и деньги.

– Нет, ни вранье и ни правда нам тут не помогут, – поразмыслив, сказала Люс. – А нужно что-то третье. Только вот что?

На этой самой лавочке они обсуждали вчера, как выкрасть ключ от лаборатории, а договорились до какой-то совершеннейшей уголовщины. И тем не менее обе были уверены, что возможность добраться до Шервудского леса есть.

– погоди, – прошептала вдруг Зульфия, – погоди... Ну точно! Если гора не идет к Магомету, то что?

– То Магомет идет к горе! Но при чем тут пророк Магомет? – кисло осведомилась специалистка по истории религии.

– При том, что нам нужен парадоксальный подход к делу. Нам нужно, чтобы Магомет и гора поменялись ролями.

– Красиво, но непонятно. Кто тут Магомет и кто гора? – еще не понимая азарта Зульфии, спросила Люс.

– Сейчас поймешь. Но дай слово, что не будешь вмешиваться. Всю подготовку проведу я.

– И что же это будет за подготовка?

– Обыкновенный доклад.

Люс уставилась на подругу с огромным недоверием.

– Просто доклад! – торжествующе повторила Зульфия. – На очередном тайном сборище наших старых ведьм я встану и с цифрами в руках докажу выгоду Шервудского маршрута. Все-таки это дешевле, чем Эллада или Карфаген. И «зеленые плащи» должны быть использованы – не пропадать же зря хрономаяку! Ведь забирать оттуда маяк – тоже дороговатое удовольствие.

– И тебе ответят, что наши хронодесантницы там никому не нужны. Уж если даже я...

– А знаешь, что я отвечу на это?

– Ну?

– Что если Магомету нужна гора, она к нему явится!

Следующие пять дней Люс и Зульфия не отходили от видео. Они перешерстили все институты красоты в поисках молодых симпатичных женщин, страдающих ожирением и жаждущих излечиться. Сперва обе были уверены, что двери институтов осаждают стада толстух, так что им останется только выбрать парочку подходящих. Потом приуныли...

У тех нескольких кандидатур, которые удалось выловить, речь шла о пяти-шести килограммах. Они были далеки от шервудских идеалов.

А требовалась настоящая рыхлая толстуха, совершенно беспомощная по части побоищ, которая могла бы соблазнить стрелка, но нуждалась в усиленной охране.

– Перевелись-таки ядреные бабищи! – пожаловалась Люс, протирая измученные трехдневным видео глаза. – Твой план летит в тартарары. Я не смогу отправиться туда сопровождающим лицом, потому что мне некого сопровождать.

– погоди, – ответила Зульфия. – Еще не все потеряно. Мы не прочесали специализированные клиники для совсем безнадежных.

– Благодарю покорно! – возмутилась Люс. – Это все-таки должна быть привлекательная женщина – хотя я не понимаю, что может быть привлекательного в восьмипудовой бабище! А ты – клиника для безнадежных...

– А вот тут ты неправа, – перебила ее Зульфия. – Бывают случаи генетического, что ли, отклонения от нормы. Вот тут институт красоты бессилён.

– Допустим, раньше такое бывало, – наполовину согласилась Люс.

– Если бы наша генная инженерия хоть чего-то стоила, бабули не затеяли бы всю возню с хронодесантом, – возразила Зульфия. – Итак, есть у меня один адрес и одно подозрение...

– Что за адрес и что за подозрение? – оживилась Люс, поскольку запахло приключением.

– Адрес одной клиники. Если ты помнишь, сведения о клиниках мы брали в «Супернете». Там есть база данных для простых смертных, для абонированных клиентов и для серьезных инстанций.

– Ты хочешь сказать, что мы всего-навсего абонированные клиенты? – ушам своим не поверила Люс.

– Да нет же! Но мы прошерстили все, что выкинул на монитор «Супернет», а толку было чуть.

– Вообще его не было.

– И я подумала – не может быть, чтобы наше общество обходилось без такой клиники для безнадежных! Понимаешь, пока есть генетические отклонения, будут существовать и клиники, где их пытаются ликвидировать.

– Логично. И где ты нашла эту засекреченную клинику?

– В телефонной книге.

– Где???

Люс в детстве видела настоящую телефонную книгу. Поднимать ее приходилось двумя руками.

Оказалось – пока Люс готовила доклад с цифрами о пользе Шервудского маршрута и обрабатывала бабок, Зульфия съездила в центральную библиотеку и взяла там книги пятнадцатилетней давности. Ей сделали копии тех страниц, где речь шла о солидных медицинских институтах и исследовательских центрах, после чего она сличила адреса с теми, которые выкидывал на экран «Супернет». И обнаружила, что одно крупное заведение, судя по количеству номеров, раскинувшееся на много гектаров, словно королева языком слизнула. Пятнадцать лет назад был целый медицинский городок с новейшим оборудованием, а сейчас – ни малейшего упоминания...

Очевидно, эту клинику перевели на какие-то секретные исследования, решила Зульфия, но не может же быть, чтобы она не имела еще и собственных, чисто коммерческих пациентов.

– А как мы туда попадем? – задумалась Люс. – Можно, конечно, попросить бабуль. А захотят ли они ссориться с тем милым ведомством, которое платит пока за аренду хронометра? Еще можно изобразить богатых пациенток, но нас не пустят дальше приемной. Или попадем на консультацию к светилу, а оно нас выставит за ворота... Еще у нас есть Илона Драйзер, она всюду нос сует. Можно обвешаться техникой и запастись у нее газетными удостоверениями...

– Ага, – согласилась Зульфия. – Но лучше – просто через забор.

Так и сделали. Причем из соображений безопасности выбрали самый отдаленный и скрытый кустарником кусочек забора. Правда, и он был под сигнализацией, но уж с ней Люс и Зульфия знали, как бороться.

Обе А-Гард, одетые по-походному, в коротких курточках и кожаных штанах, заправленных в сапожки, на всякий случай при легком вооружении (метательные звездочки у Зульфии, трубка с индейскими стрелками у Люс), пробирались тенистой аллеей ухоженного парка, готовые к любым столкновениям.

– Тут точно раньше была графская усадьба, – утверждала Люс. – Во-первых, вдоль ограды – явные дорожки для верховых прогулок. Во-вторых, пруд. Это же не озеро, а именно искусственный пруд с искусственным островом! А беседка на острове? Чистейший восемнадцатый век!

Зульфия же озиралась в поисках хоть одного пациента. Потому что кроме чистейшего восемнадцатого века тут не было ровно ничего. Даже вдаль не сверкали на солнце зеркальными окнами современные корпуса.

На этого гипотетического пациента была вся их надежда. Поскольку пациенты – народ скучающий, а появление двух разведчиц (Люс – в темно-зеленой коже, Зульфия – в коричневой с художественными разводами, Люс – в выпущенном поверх кожи золотистом кружевном воротнике, Зульфия – в пышном розоватом жабо, торчащем из расстегнутой куртки) было бы для них неплохим развлечением.

Но пуст был парк, ни единого голоса не слышалось ни справа и ни слева, ни сзади и ни спереди.

– Не может быть! – хмуро сказала Люс. И Зульфия правильно ее поняла – не может быть, чтобы мы с такими трудами раскопали эту подозрительную клинику только для того, чтобы прогуляться по парку!

– Может быть, у них тут тихий час? – в огромном недоумении спросила Зульфия. – Или «Супернет» все-таки был прав, и это давно не клиника?

– И наша гениальная инженерия шлепает вперед семимильными шагами? – продолжала в том же духе Люс. – Нет, если на земле есть хоть одна толстуха, то она именно здесь!

– Мы еще не добрались до Австралии, – напомнила Зульфия.

Но Люс уже врывалась в тихую, но стойкую ярость.

– Я останусь здесь, и буду здесь торчать, пока не разберусь, чем занимается это идиотское заведение! – негромко, но грозно начала она. – И я разгромлю их всех, и поставлю вверх дном, и я найду то, что мне нужно! Ясно?

– Ясно, – согласилась Зульфия, хотя на самом деле Люс задала вопрос риторический, и обращался он к незримому руководству загадочной клиники.

Люс подозрительно посмотрела на подругу. Ни малейшего сомнения в ее отваге не было на красивом личике А-Гард Семнадцатой. Зульфия глядела на Люс скорее с ожиданием – что предпримет отчаянная фехтовальщица?

– А начнем мы вот отсюда! – провозгласила Люс и широкими шагами направилась к мостику, ведущему на рукотворный остров.

Зульфия двинулась следом, совершенно не понимая, что можно начать на этом крошечном островке. Скорее всего, Люс и сама этого не знала. Просто ее ярость требовала активного движения вперед. Прямо по курсу был островок – вот она туда и устремилась.

В другое время выгнутый, как кошачья спинка, мост с четырьмя искусного литья фонарями непременно очаровал бы Люс. Она бы задумалась на секунду и вспомнила, на каких картинах серебряного века видела такие кружевные мостики. И то, что тропинка не вела ко входу в беседку прямо, а сперва огибала весь мостик, серпантинном поднимаясь вверх, Люс тоже бы оправдала – вдоль тропинки росли диковинные кусты и деревья с табличками на латыни.

Но сейчас ее зачем-то несло в беседку, и практичная Зульфия безропотно за ней следовала, соображая, что уж оттуда-то можно как следует разглядеть окрестности. Белая беседка возвышалась над островком, который и сам представлял собой крутой холмик. Кроме того, Зульфия надеялась найти там скамейку и разложить сухой паек – плитку шоколада с орехами, банку с капсулами энергейзера, флягу с апельсиновым соком и две японские коробочки – с солоноватым творогом и с креветочным салатом. Асият строго-настрого велела ей соблюдать режим.

Но уже на самом подступе к беседке подруги поняли, что скамейка занята. Хуже того – из беседки доносились всхлипы.

– Пошли отсюда, – и Люс стремительно развернулась. – Мне еще только чужой истерики не хватало! У меня, того гляди, собственная сейчас начнется!

– Там же пациент! – воскликнула Зульфия, схватив ее за рукав.

– Ну и что?

– Источник информации!

– Источник истерики... – проворчала Люс. – А ведь какая хорошая была беседочка, если издали...

Обе остановились в размышлении. Источник информации был, как локоть из пословицы – близко, а не укусишь. Какую, к лешему, информацию может выдать рыдающая в три ручья женщина?

Зульфия решила первой.

– Может, это не так уж и страшно? – спросила она сама себя, имея в виду истерику в беседке.

Люс пожала плечами.

– Рискнем, – решила она. – Авось не промокнем.

Зульфия шагнула в беседку первой, загородив собой узкий вход, вдруг окаменела на несколько секунд, попятилась, обернулась, и Люс даже перепугалась – таким лицом подруги она еще не видывала!

– Нет, ты посмотри! Это же невероятно! Ты только посмотри!... – потрясенно и восторженно зашептала Зульфия. – Ты смотри, а я больше не буду! Мне сейчас на такое смотреть вредно!

Люс отодвинула Зульфью и сама заглянула в беседку.

Недаром эту женщину звали Люс-А-Гард! Она могла спокойно заглянуть и в жерло бурлящего вулкана. Но вулкан, который бы заставил Люс онеметь, еще не родился. А то, что она увидела в беседке на лавочке, – заставило.

Лавочка, тянувшаяся вдоль стены беседки, была предназначена для троих иди даже четверых сидельцев такой комплекции, как Люс и Зульфия. Но присесть рядом с рыдающей женщиной, чтобы обнять ее за плечи и успокоить, они бы не смогли. Столь роскошны были формы этой безутешной женщины.

Зульфия опомнилась первой.

– То, что надо! – шепнула она прямо в ухо Люс, для надежности двинув подругу локтем в бок.

Локоть был острый – Люс опомнилась.

– Ага... – прошептала она, не веря своему счастью.

Ведь толстуха могла оказаться старой, некрасивой, лысой, в конце концов! А женщина, рыдавшая на лавочке, была, если приглядеться, даже недурна собой. Конечно, прическа ее напоминала воронье гнездо, но если вынуть из волос заколки и как следует их расчесать, то и обнаружилась бы шевелюра немногим короче, чем у Зульфийи, густая и светло-русая. Женщина была в блекло-голубом, совершенно бесформенном балахоне, который должен был скрывать пышность форм. Конечно, скрыть такое не мог бы ни один балахон в мире, зато цвет подчеркивал свежесть и белизну безупречной кожи.

Видимо, и глаза были красивы, хотя сейчас, заплаканные и покрасневшие, они выглядели совсем прискорбно.

На вид толстухе было малость за двадцать пять.

– По-моему, такое ожирение никакие гормоны не возьмут, тут хирург нужен, – шепнула Люс Зульфийи. – Я бы на ее месте уже давно что-нибудь с собой сделала.

– Раз она здесь – значит, пытается, – разумно отвечала Зульфия. И первая шагнула в беседку.

– У вас горе? – ласково обратилась она к увесистой незнакомке. – Успокойтесь, сейчас мы вам поможем... сейчас мы вам поможем...

Внучка мудрой Асият владела такими интонациями, которые могли заморочить и самого гипнозостойчивого человека. Правда, бабка слова «гипноз» не любила и называла свои штучки скромно – «суггестия». Она и Люс пыталась обучить, но той лучше давался бесконтактный массаж, на нем она и остановилась.

– ...Вы только успокойтесь, поднимите голову, сейчас мы разберемся, что у вас случилось, и обязательно вам поможем... – продолжала ворковать Зульфия.

– Мне поможет только смерть! – рыдая, ответила незнакомка.

Люс и Зульфия переглянулись. Начало было многообещающее.

– На тот свет ты всегда успеешь! – вмешалась Люс. – Никуда он от тебя не денется! Давай, вытирай сопли и рассказывай! А мы будем слушать!

Такой суровый приказ оказался сильнее суггестивного воркования. Он заставил женщину шумно высморкаться и поднять глаза. А увидев двух стройных хронодесантниц в одинаковых по покрою костюмах из тончайшей кожи, больше похожей на атлас, темно-зеленом и коричневом, увидев их неожиданные кружева, золотистые и розовые, увидев их тонкие строгие лица, зареванная толстушка вдруг воззрилась на них с внезапной надеждой.

– Вы из персонала? – с сомнением спросила она. Хотя в какой клинике персонал ходит, вывесив на грудь две длинные черные косы? Да и золотистый «одуванчик» Люс тоже полагаюсь бы упрятать под белый или голубой одноразовый колпак...

– Не имеем ни малейшего отношения к какому бы то ни было персоналу! – отчеканила Люс.

– А я боялась, что они меня тут найдут... А что они могут мне сказать?! Все уже решено! Приговор подписан! И вообще!...

– Ладно, ладно, это все уже недействительно, – быстро перебила Зульфия, справедливо опасаясь дальнейшего рева. – Это все было до нас. А для нас никаких приговоров не существует. Мы для того и пришли, чтобы избавить тебя от дурацких приговоров.

– Но сам Вульф сказал! – воскликнула толстушка. – Вы понимаете – сам Вульф!

– Ну и что? – высокомерно пожала плечами Люс. – Видали мы и почище этого Вульфа, не такой уж он авторитет.

– Пустое место, – презрительно согласилась Зульфия.

Обе они слышали эту фамилию впервые в жизни.

– Да? – и в глазах толстушки вспыхнула надежда. – А мне все говорили – раз уж Вульф не может помочь, значит, медицина бессильна!

– Смотря какая медицина, – усмехнулась Люс. – У него – своя, а у нас, видишь ли, своя. Так что расскажи-ка нам все с самого начала, а тогда мы и скажем тебе, что делать.

– Чего уж тут рассказывать... – толстушка хлопнула себя по бокам, приподняла огромную грудь и дала ей соскользнуть на место. – Вы же видите... И избавиться от всего этого невозможно.

– А страшно хочется, – подхватила ее мысль Зульфия. – Потому что избалованным мужчинам подавай стройненьких! Каждому сморчку – мисс Европу! Так? Да?

Толстушка промолчала – значит, Зульфия была на верном пути.

– А этому мерзавцу – тем более? – продолжала мудрая бабкина внучка. – И он на цветущую женщину даже смотреть не хочет – да?

– Будь они неладны! – воскликнула толстушка. – И до этого добрались! В суд я на них один раз подам, вот что!

Люс и Зульфия мгновенно переглянулись. Только судебного процесса им сейчас и не доставало.

– Да не вы... – скучным голосом протянула толстушка. – А они!

И мотнула головой по направлению к Северному полюсу.

– Дурак он и мизинца твоего не стоит, – кое-как подсев к толстушке, подхватила нотацию Зульфии Люс. – Ведь в хороших руках тебе цены не будет!

– Мне и так цены нет... – совсем тоскливо произнесла толстушка.

Но и вторая загадочная реплика не заставила призадуматься вцепившихся в добычу обеих А-Гард.

– Настоящие мужчины ищут только таких женщин, чтобы в теле. А если кому нужны кожа да кости – тот не очень-то настоящий, солнышко, – продолжала Зульфия. – Ну вот скажи, кем он, твой Богом обиженный...

Толстушка попыталась испелить ее взглядом.

– Кем он, твой ненаглядный, трудится? – исправила ошибку Люс.

– Концертмейстером! Он замечательный пианист! – с гордостью ответила толстушка. – Такие раз в столетие рождаются! Если он едет на конкурс, другим там уже делать нечего! Он лауреат...

– Тем хуже, – перебила Люс, – значит, окончательно нос задрал. Вот такие-то деятели в постели ломаного гроша не стоят.

– Откуда ты знаешь? – вскинулась толстушка. – Как ты можешь?... Ты знаешь, как за ним все гоняются?...

И обеим А-Гард все стало ясно.

Они имели дело с совершенно односторонним чувством.

– Во-первых, все мужчины, которые задирают нос, мало что могут, – весомо сказала Зульфия. – Именно поэтому они и задирают нос...

Тут толстушка посмотрела на нее с недоверием.

– Все очень просто, – объяснила Зульфия. – Если мужчина – мастер своего мужского дела, то первая женщина, которая это поймет, вцепится в него мертвой хваткой. Ему это сперва не понравится, но ничего, привыкнет. А если он – пустое место, то женщина за него особо держаться не станет, а ему только того и нужно! Поменяет он таким манером первый десяток женщин и придет к выводу, что неотразим. И задерет нос! Разве не так?

– Так! – подтвердила Люс. Ее второй муж был как раз из этой породы, и она выбрала его именно потому, что за ним волокся шлейф самых неожиданных побед.

– И зачем тебе такое сокровище? – ласково спросила Зульфия.

Толстушка вздохнула – очевидно, имелось в виду, что сердцу не прикажешь.

– Неужели тебе действительно было с ним хорошо? – задавая этот вопрос, Зульфия прекрасно видела, что о близости с этим самым концертмейстером толстушка только мечтала, но следовало сказать бедняжке хоть какой-то комплимент.

– Да нет... То есть, у нас ничего такого не было...

– И не надо! – обрадовалась Люс.

Но тут в душу Зульфийи вкралось подозрение.

– А вообще с кем-нибудь?... Было?...

Толстушка покраснела, замотала головой и еле выдавила стыдливое «Не-е...»

Люс и Зульфия переглянулись. Зареванная толстушка не имела точки отсчета.

– Ладно, – сказала Люс. – Давай в открытую. Мы – хронодесантницы. И мы зовем тебя в хронодесант.

– Куда???

– В хронодесант! – и тут Люс понесло. – Мы странствуем по столетиям! Мы ищем настоящих мужчин – самых сильных, самых смелых! И даже красивые попадают! Представляешь? Бойцы! Гвардейцы! Орлы! Королевские мушкетеры! Корсары! Гусары! Флибустьеры!!!

Зульфия тем временем вытаскивала из недр кармана сложенную в несколько раз распечатку того самого доклада, который обсуждали тринадцать заговорщиц.

– Будешь читать, голубка, или поверишь на слово? – спросила она толстушку, пока яростная Люс переводила дух.

Та молча взяла распечатку и углубилась в чтение. Зульфия прижала палец к губам, что означало – Люс, остановись, началась серьезная обработка...

Вдруг толстушка подняла красивую голову.

– Тридцать восемь процентов? – изумленно спросила она.

Зульфия сразу же сообразила, о чем речь.

– Да, по предварительным итогам этого года будет тридцать восемь процентов мальчиков, остальные родятся девчонки. А теперь пропусти три страницы и читай про патологии. Из этих тридцати восьми процентов до совершеннолетия доживут хорошо если тридцать, а дееспособными окажутся хорошо если двадцать, да и те будут держаться на медикаментах. Представь, какое они дадут убогое потомство! Я уж молчу о несчастных неудовлетворенных женах и любовницах...

– А почему я ничего этого не знала? – капризно спросила толстушка, и ее интонация очень не понравилась Люс. Примерно с такой же степенью сварливости она только что собиралась на кого-то подавать в суд...

– Секретные сведения, – объяснила Зульфия. – И вот мы ищем женщин для хронодесанта. Чтобы они имели возможность встретиться с настоящими мужчинами, а при желании – родить от них настоящих сыновей. Ты нам подходишь.

– Я? – толстушка посмотрела на Зульфию, потом – на Люс, потом – опять на Зульфию, потом – опять на Люс. – Я – в десант?! Я???

И она сделала жест рыбака, описывающего пойманную десять лет назад щуку.

Толстушка имела в виду – как, с ее габаритами, да вдруг в десант? И, очевидно, сразу же вообразила, как эффектно будут сидеть на ней узкие и блестящие кожаные штаны, в которых щеголяли Люс и Зульфия.

– Это – ерунда! – презрительно сказала Люс, повторив рыбацкий жест.

– Мы ищем для десанта красивых женщин, понимаешь? – добавила Зульфия. – А ты же настоящая красавица! В двенадцатом веке тебе просто не будет равных! Решайся – не пожалеешь!

Толстушка молчала.

И тут Люс сообразила, какого именно довода она ждет.

Не удостоверений из Института прикладной хронодинамики, нет! И не его рекламного проспекта, разумеется...

– Ты только вообрази себе ярость своего концертмейстера, когда он узнает, что ты предпочла настоящего мужчину!

По лицу красавицы Люс поняла, что нажала на нужную кнопку.

– Это надолго? – спросила толстушка.

– Смотря как нам удастся отрегулировать хронокамеру, – честно ответила Зульфия. – Скорее всего, ты будешь отсутствовать в нашем времени несколько часов. В худшем случае – сутки.

– Так мало? – толстушка улыбнулась. – Так это же просто здорово! Тогда я всюду успеваю...

Она встала с лавочки и решительно двинулась к выходу из беседки. Люс и Зульфия еле успели посторониться – походка и повадка у толстушки оказались довольно уверенные, а сместь человека с пути она могла одним движением округлого плечика.

– Ты за вещами? – спросила Люс.

– Какие у меня тут могут быть вещи? – искренне удивилась толстушка. – Вот это?

И она подергала за свой балахон.

Люс и Зульфия двинулись следом за ней по крутой тропинке, но одновременно притормозили, когда толстушка ступила на мост. Он был такой изящный, такой кружевной, такой хрупкий, а обе А-Гард вовсе не желали мочить свои кожаные костюмчики в рукотворном пруду.

Перебравшись на материк, толстушка бодро направилась к зарослям гигантского можжевельника посреди большого газона.

Оказалось – в незапамятные времена там была проложена тропка, ведущая к забору, а в заборе существовала дыра, которую не ловила ни одна сигнализация. Возможно, ее уже сто раз заделывали, а она возникала снова. Таких подробностей толстушка не знала.

– Мы через эту дырку лазим, когда хотим выбраться в кафе. Ну, убейте меня, но я не могу без шоколадного бисквита!

Люс и Зульфия выбрались через дырку сами, помогли вылезть своей толстушке и оказались на обочине скоростного шоссе.

Расстояние никогда не пугало ни Люс, ни Зульфию. Они обе умели и любили бегать. До города они добрались бы за полчаса. Но с ними был ценный груз...

– Ты пока возвращайся и сиди возле самой дырки, – решила наконец Люс. – А мы попробуем остановить попутную машину. Главное – усадить тебя.

– Ага, – согласилась толстушка. – Ладно, я спрячусь. Вряд ли кто притормозит, чтобы взять меня в салон...

Сказала она это так жалобно, что Люс и Зульфия прямо-таки преисполнились гордости: они не просто авантюру затевали, а выручали из беды несчастную женщину!

– Между прочим, не мешало бы спросить, как ее зовут, – заметила Люс, становясь в завлекательную позу на обочине и взерошивая обеими руками свой «одуванчик».

– У нас еще будет время познакомиться с ней поближе, – усмехнулась Зульфия. – И сдаётся мне, что эта девственница – крепкий орешек.

Тут вдали показался автомобиль. Люс призывно замахала ему рукой, и он действительно притормозил рядом. Но когда дверца открылась, обе А-Гард попяtilись.

За рулем сидела Илона Драйзер.

Журналистка была, как всегда, приветлива, яснолика и хороша собой. Но Люс и Зульфия знали, во сколько обходится ей эта неувядаемая молодость.

– Девочки! – воскликнула Илона. – Вы как сюда попали? Вас подвезти?

– Не-ет, – получив от Зульфий чуть заметный толчок в бок, отвечала Люс. – Вы ведь по делам едете... а нам совсем в другую сторону!

– А вы угадайте, куда я еду! – в голосе и взгляде Илоны было невероятное торжество. – В клинику доктора Вульфа!

– А кто это такой? – немедленно спросила мудрая Зульфия.

– Доктор Вульф?! – изумилась Илона и вдруг расхохоталась. – Да, действительно, доктор Вульф – это не для широкой прессы!

– Зачем же вы к нему едете? – резонно спросила Люс.

– Не к нему, в его клинику. О клинике писать не принято, а о некоторых пациентах – вполне! Так вот, девочки, я еду брать интервью – угадайте, у кого!

Обе А-Гард дружно помотали головами.

– У Марианны Ольдерогге!

– Где-то я слышала это имя... – пробормотала Люс.

– Слышала это имя! – возмутилась Илона. – Ничего себе! Дожили! Что ты вообще слышишь, кроме кличек своих лошадей?

– Это та... флейта? Нет, скрипка... – вмешалась Зульфия.

– Это Серебряная Свирель!

Тут и Люс увидела внутренним взором кусочек видеорепортажа со всемирного конкурса вокалистов. Они с Зульфией смотрели финал, потому что ведущей была их общая подружка, известная артистка. И действительно – та называла и имя «Марианна Ольдерогге», и почетное то ли звание, то ли прозвище – «Серебряная Свирель».

– Она перед тем, как участвовать в шестом всемирном, решила пройти у Вульфа курс лечения. И никто не знает, справился Вульф или не справился.

– А если не справился?

– Значит, она опять не выйдет на сцену.

– А в чем проблема? – спросила Люс.

– Ах, да, вы же ничего, кроме своих шпаг, не знаете... Скажи, Люс, ты когда-нибудь в жизни видела Серебряную Свирель? Ну, по видео, в журнале, на улице, в театре?...

– Никогда, – твердо сказала Люс. – Слышала только записи. Но голос потрясающий. Говорят, голос такого диапазона рождается раз в столетие.

Никаких записей, она, понятное дело, не слышала, а честно повторила то, что рассказала ей тогда подруга-артистка.

– А ты, Зульфия?

– Тоже – никогда. Хотя интересно было бы увидеть Серебряную Свирель на оперной сцене. Я слышала, как она пела сцену в саду из «Фауста», только не помню, с кем...

Люс могла держать пари – про сцену в саду Зульфия слышала от той же подруге. Просто у обеих А-Гард была одинаково цепкая память на фамилии и всякие названия.

– Боюсь, что на сцене ты ее не увидишь никогда... – загадочно намекнула Илона.

И тут у Люс включилась зрительная память!

– Постойте! – воскликнула она. – Да я же ее видела! Ну точно! Помнишь, Зульфия-джан? По видео! Она тогда пела, стоя в темном углу сцены, да еще за тюлем, по которому пускали всякие световые эффекты! Потом еще говорили, что она недавно перенесла пластическую операцию, шрамы еще не зашлифованы, а на грим у нее аллергия.

– Все гораздо проще, – объяснила Илона. – Марианна Ольдерогге, она же – Серебряная Свирель, никогда не выйдет на сцену, хотя все оперные театры мира мечтают об этом и предлагают ей невероятные гонорары. Если бы вы ее видели – вы бы онемели. Она весит по меньшей мере центнер.

Зульфия и Люс переглянулись.

– Но ведь в наше время от этого можно быстро избавиться, разве нет? – кое-как спросила Зульфия, потому что пауза уж очень затянулась.

– Недавно она совершила очередную попытку. И как раз в этой клинике. Свирель потеряла примерно двадцать кило, страшно обрадовалась, но голос стал катастрофически портиться. Оказывается, этот самый жир служил каким-то там резонатором вот тут... – Илона показала себе на грудь. – Тогда Свирель набрала опять свой центнер – и голос вернулся. Представляете? Она все свои гонорары тратит на лечение, между прочим. И вот в лаборатории доктора Вульфа разработали ей какую-то особую методику обследования. То ли вчера, то ли сегодня должен быть окончательный результат. То есть – есть у нее шанс и похудеть, и голос сохранить, или медицина действительно бессильна. Так что я мчусь брать у них у всех интервью!

Илона посмотрела на часы.

– Вульф обещал принять меня через десять минут. Это будет интервью века! Бюллетень всемирного конкурса – там уже вышли два номера, и в каждом у меня интервью! – заплатит столько, сколько я пожелаю, даже если это будет что-то вовсе астрономическое!

– Это они обещают или действительно заплатят? – уточнила Люс.

– Заплатят. Потому что никто больше не знает, где сейчас Свирель, а мне сказал сам Вульф... да и попробовал бы не сказать!

Илона заявила об этом так, что сразу стало ясно – Вульф играл-таки некоторую роль в ее бурной молодости.

Тут мимо них пролетела на хорошей скорости длинная серебристая машина и красиво вописалась в поворот.

– Да это же Вульф! – воскликнула Илона. – Ну, девчонки, я понеслась!

И она захлопнула дверь автомобиля.

Люс и Зульфия проследили, как и машина Илоны вписалась в тот же поворот – туда, где кленовая аллея длиной километра этак два вела к главному въезду на территорию клиники. Причем Зульфия молчала, а Люс бормотала себе под нос нечто невразумительное, но очень сердитое.

– Совершенно верно, – согласилась Зульфия. – Нам в десанте доставало только колоратурного сопрано. И наверняка эта Свирель – девица капризная и к жизни не приспособленная.

– Тем лучше, – буркнула Люс. – Мои шансы повышаются. Теперь главное – примчаться в институт до того, как эта Драйзер обнаружит побег нашей примадонны и поднимет шум.

Тут за спиной у них послышалось кряхтение. Люс обернулась и увидела, как Свирель с трудом выдирается из дырки.

– Это Вульф проехал, – сообщила певица. – Знали бы вы, каких глупостей он мне наговорил! Вы, мол, не отчаивайтесь, ваш талант, ваша слава, ваше будущее, виши горизонты!... Неужели он в самом деле ничего не понимает?

– Ишак, – философски заключила Зульфия.

Глава пятая

Девственница на старте

– Но я еще не уверена, что мне хочется родить ребенка! – совсем ошалев, выкрикивала Марианна Ольдерогге, пока Зульфия ловко плела ей длинные косы. – Я не готова к этому! У меня конкурс! И вообще!...

– Втяни пузо! – приказала Люс. Серебряная Свирель привычным движением ужалась, как могла, и Люс затянула на ней поверх тонкой рубашки плотный корсет.

– Очень хорошо, – одобрила Зульфия. – Вот даже талия появилась... Теперь – платье! А что касается ребенка – если хочешь, твой эмбрион пересадят другой женщине, это теперь не проблема. Операция, можно сказать, моментальная. Ты даже не узнаешь, где он и что с ним.

– Как это не узнаю? – возмутилась взбудораженная Свирель и собралась было сказать что-то свирепое, но Люс ловко набросила ей на голову платье.

Обе А-Гард прекрасно понимали, что рискуют драгоценным здоровьем многократной лауреатки, что совершают преступление против оперного искусства, да что уж говорить – обе ведали, что творят. Но выхода не было – они подозревали, что и в Австралии повывелись солидные габариты. А Люс, во-первых, выдвинула идею соблазнительной десантницы с сопровождающим лицом, во-вторых, уже сообщила бабке, что дело сделано, в-третьих, связалась с Маргарет и заказала хронокамеру.

Зульфия за полтора часа успела не меньше. Поскольку они с Люс решили сделать Свирель девицей знатного и обедневшего рода, то требовался подходящий наряд. Зульфия нашла его в здоровенной «Истории костюма». Это было в меру узкое платье, приталенное, с длинными свисающими рукавами и четырехугольным вырезом. Цвет она подобрала под светлые кудри и нежный румянец Свирели – бирюзовый, покрывало для волос выбрала чуть светлее, а венчик, придерживавший покрывало, решила сделать из золотой парчи. Пока Зульфия копалась в книге, две театральные портнихи сидели наготове – с сантиметровыми лентами навскидку и ножницами наперевес. Гонорар им был обещан мало чем поменьше того, что брала за свои записи Серебряная Свирель.

Правила хорошего вкуса в одежде пышной красавицы были таким образом соблюдены. А корсет, позаимствованный в маленьком музее фирмы, выпускающей нижнее белье, удачно приподнимал пышный бюст Свирели, так что в вырезе платья виднелась действительно аппетитная и соблазнительная складка. Люс заметила, что теперь это сложносочиненное декольте певица может использовать как походный столик – спокойно ставить на него тарелку, класть книгу или даже ларчик с побрякушками.

Побрякушки Зульфия выдала из тех запасов, что сделала ей бабка Асият для соблазнения Разина.

Свирель все время, пока ее причесывали, одевали и инструктировали, настойчиво пыталась выставить на первый план свои проблемы. Их было немало – прежде всего, она боялась потерять голос, затем – девственность, и ей пока совершенно не был нужен никакой ребенок, даже от желанного концертмейстера!

Но ее почти не слушали.

У Люс и Зульфии хватало забот – нужно было успеть переправиться в Шервудский лес, пока певицы по-настоящему не хватятся. И не просто там оказаться, но и отрезать путь возможной погоне. Поэтому Люс одной рукой наряжала Серебряную Свирель, а другой листала брошюрку, выкраденную из кабинета Маргарет. Это было техническое описание хрономаяка. Люс, конечно же, верила в свою женскую интуицию. Именно интуиция, с ее точки зрения, заставляла ее выбирать для техники именно такой способ обхождения, от которого эта тех-

ника корчилась в предсмертных судорогах. Но тут требовались реальные знания. Люс пыталась понять, что именно следует повредить в хрономаяке, чтобы вывести его из строя временно, а не на веки вечные.

Пока Зульфия наводила на Свирель окончательный блеск и учила ее пользоваться браслетом хронодесантницы, Люс быстро переделалась в свой костюм паж. И, подумав, протянула Зульфий ножницы.

– Ну-ка, А-Гард-джан, избавь-ка меня от этого одуванчика! Надоел – сил нет!

Зульфия прекрасно понимала, что модная прическа не могла так быстро надоесть, но Люс наконец-то окончательно осознала, что в двенадцатом веке не было химической завивки.

– Не жаль? – на всякий случай спросила Зульфия.

– Решено. Стриги!

Волосы у Люс у корней были немного темнее. Избавившись от искусственных локонов, они сами легли красивыми волнами. Теперь Люс больше была похожа на изящного мальчика. Вместе с золотистым одуванчиком она утратила свою драгоценную экстравагантность, но больше соответствовала стилю эпохи.

И тут в комнату, где боевые подруги готовились к очередному путешествию, без стука вошла Диана Кассион.

– Отыскали-таки! – изумленно воскликнула она, во все глаза глядя на Серебряную Свирель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.